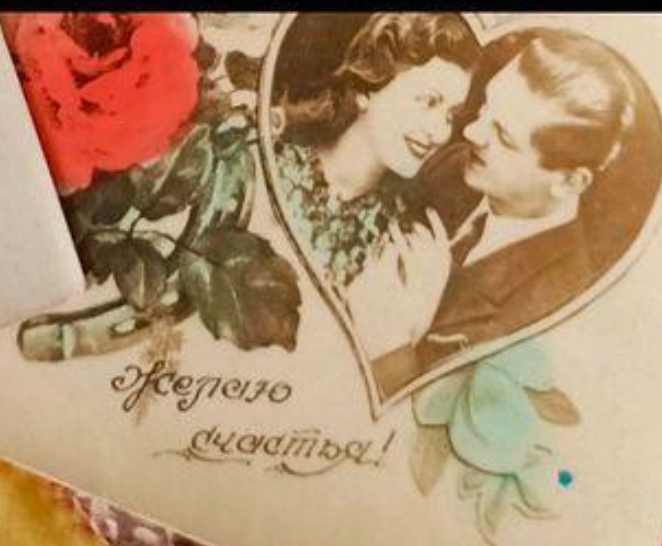

18+

ОЛЕГ КУДИН

МЕЖДУ СТРОК И СОБЫТИЙ

СТИХИ И ПРОЗА

Олег Кудин

Между строк и событий

«Издательские решения»

Кудин О. П.

Между строк и событий / О. П. Кудин — «Издательские решения»,

В книге представлены стихи разных лет. Повесть «Баба», посвящённая моей маме. Рассказ о жизни простых женщин в нашей стране в период с 1940-е по 1980-е гг., которые любили, детей рожали, работали, были счастливы и просто верили стране, в которой живут.

Содержание

Просто	8
Эмигранты	9
В поезде	10
Новый год	11
Молитва	12
Встреча выпускников	13
Посвящение	14
Новый год	15
Годы, годы...	16
Дедушка	17
Сегодня я прощаюсь с ним	18
Письмо с войны, которой не было	19
От нас ушли навсегда	20
Страшная сказка	21
О политике	22
Слепой пиит	23
Ветераны	24
Было время	25
Солдатские руки	26
Мне снится война	27
Военный госпиталь	28
Гостья тоска	29
Измена	30
Одиночество	31
Простое слово	32
Мама	33
Хлеб победы	34
Прощание	35
Когда закружит	36
Метель	37
Весеннее	38
Оттепель	39
Три строчки о любви	40
Жене	41
В альбом	42
Крысы	43
Диалог	44
Это слово любовь	45
О войне, которой нет	46
Моей маме посвящается	47
БАБА	48
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Между строк и событий

Олег Петрович Кудин

© Олег Петрович Кудин, 2026

ISBN 978-5-0070-5100-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Просто

Зима, на пороге задержалась,
Задумалась и дальше не пошла.
Жаль, что не начать весну сначала,
Просто оттепель случайно забрела.

Просто солнце, по весеннему пригрело
И за капала весенняя капель.
И грязь, что нам за осень надоела,
Завтра заметет, матушка метель.

Завтра зимушка снега закружит
И морозец будет всех за нос щипать.
Время в вальсе непрерывно кружит,
Весна в сторонке будет ждать.

Эмигранты

(Возвращению Александра Солженицына
в Россию, посвящается)

Уезжают люди из матушки России,
Покидают свой родимый дом.
Мое сердце уезжает с ними
И я слышу, слышу гром.

Нет! Не гром небес набат колоколов!
Колокола, звучат по всей России!
Россия, провожает своих детей,
Россия, прощается с ними.

А дети, низко голову склонив,
И уронив слезу на землю, что кормила.
В последний миг, обиды все забыв,
Они попросят, чтоб Россия их благословила.

Они уйдут и в дальней той стране,
Где речь чужда, где все чужие люди.
Быть может там, они признаются себе,
Что лишь Россия матушка их любит.

Они поймут, не поворачишь время вспять,
Года ушли и старость встала у порога.
Вернуться, но не все на Родину опять
И в церкви белой попросят бога.

Храни Всевышний, — Землю, что родила нас
И сделай так, чтобы Родина простила,
Чтобы в последний, смертный час
Нашлась на матушке Руси и нам могила.

В поезде

Колеса стучат, минуты считая.
Жизнь моя на перепутье опять,
Только поезд спешит, в даль улетаю,
Нет в пути остановок, чтобы жизнь понять.

Чтобы остановиться, подумать.
Чтобы прошлое мыслью измерить,
Чтоб на жизнь посмотреть,
Чтоб ошибок не повторять.

Колеса стучат минуты считая,
Поезд жизни уносит, торопит опять.
Тороплюсь я жить, тороплюсь я верить.
Тороплюсь я любить и любимым своим доверять
Ошибок своих, не успевая понять,
Тороплюсь, тороплюсь повторять.

Новый год

Новый год спешит навстречу старому
Новый год, звонит в колокола
Ай да мне молодому и удалому
Смахнуть с плеча, все прошлые года.

А и жизнь начать сначала бы
И любить бы девушек, всех подряд
— Ах, это что, случилось с малым-то,
Пусть сварливые старушки говорят.

Пусть в деревне судят, рядят
Пусть завидуют прохожие все мне,
А я буду улыбаться каждому,
Кружась в своей любовной кутерьме.

Новый год спешит навстречу старому
Новый год, звонит в колокола
А я подняв бокал завидую удалому.
Ведь любит он сегодня, а не я.

С ним сегодня девушка танцует
И ему на сплетни наплевать,
Он девушку страстно так целует
Жизнь, спешит он жить, — не проживать.

Молитва

Господи Милостивый, будь со мною,
Не остави меня грешного, в молитвах моих.
Да будет воля, Твоя, в день сей
И во вся дни жизни моей.

Мне вручен крест, чтоб в жизни этой
Я мог нести его по свету.
Мне вручен крест, чтоб в жизни той
Я мог предстать пред Тобой...

Встреча выпускников

Десять лет время торопливо отсчитало,
С той поры, когда школу покинули мы,
Десять лет — это не много, но и не мало
Много воды утекло с той поры.
С той самой поры, когда беспечно по школе,
Друг за дружкой бегали мы, а потом
У школьной доски, забыв домашнее задание
Стояли, словно в рот набрав воды.
Да было в школе, время золотое
Мы не думали с вами тогда,
Что детство пролетит стрелою,
Оставив в памяти школьные года.
И одноклассницы наши замужем,
Многие мамами стали из них,
Уже Валю или Галю не дернешь за косу,
Не при своих, не при чужих...
Парни наши повзрослели, возмужали
Белеет на висках у многих седина.
Школьные годы, вы так быстро пролетели
Нам не вернуть вас больше никогда.
Сына или дочь ведет за руку
В нашу школу в первый класс, та девчонка,
Что недавно бегала беспечно среди нас.
Мы никогда не сядем за парту.
И кнопку соседу не положим на стул
Нас никогда не окликнет учитель,
Что кто-то на уроке случайно заснул
И дети наши скоро повзрослеют.
Школьные годы у них пролетят навсегда
Так мир наш устроен, его не изменишь
Все в жизни короткой меняется
Крутиться, вертится наша земля.

Посвящение

Доченьке моей, восемнадцать лет
Ты расцвела, как роза незаметно.
Ты сейчас в рассвете юных лет,
Той сладостной поре, что не пройдет бесследно.

Юности огонь пусть душу обожжет,
Пусть обойдут тебя и горечь, и печали.
Доченьку мою, пусть ангел бережет,
Радость и надежду в душе твоей венчает.

Пусть исполнится твоя заветная мечта,
Первая любовь свои объятия откроет.
Пусть светит над тобой счастливая звезда
И жизни длинный путь души не успокоит.

Новый год

Пусть новый год нам принесёт:
Немного соли, чтобы суп солить
И мяса, чтобы в этот суп нам положить.
Всего отпустит полной мерой.
Пусть верных даст друзей он нам
И нашим детям.
Терпенья нам, чтоб Родину любить,
Чтоб в круговерти жизни не потерять:
Родных, любимых.
Счастье к нам пусть в дом придет
Его мы на пороге вместе встретим.
И новый год, вместе мы отметим.

Годы, годы...

Я даже не заметил,
Как моя молодость прошла.
И на пути, я никого уже не встречу
И годы убежали, как талая вода.

Ах годы, годы прошу не уходите,
Подождите, подождите вы меня.
Ах годы, годы прошу не уходите,
Не оставляйте без друзей меня.

Друзья ушли, я даже не заметил.
Только в душе осталась навсегда, —
Кровавая и жгучая отметина,
Друзей мне не вернуть уж никогда.

Дедушка

Рано утром у окошка,
Сел в раздумье старый дед...
Приуныл, совсем немножко,
Вспомнил. Сколько прожил лет?

На работу, на заботу,
На болезнь и на разлуку,
Положил он все полста...
На сварливости супруги
Пять добавил, так слегка...

Дети по ночам домой,
Возвращались все гурьбой...
Пять годочков добавляю,
Но из жизни отнимаю...

Ну, соседи, споры, ссоры,
Пересуды, разговоры...
Злые языки старух
Пять годочков «сверх» кладут...

Посчитал все. Приуныл.
Это сколько я прожил?
Да ведь столько не живут,
Коль годочки так бегут.

Пока охал старый дед,
А годов в помине нет.
Внуки двадцать лет забрали,
Даже слова не сказали.

Красота, любовь супруги,
Десять лет ещё долой,
Дети все пришли домой:
«Десять лет отдай нам тоже...»

Пять собака унесла,
Невелики те года...
Что осталось? Снова двадцать...
Время снова мне влюбляться!

Ухажёр я не плохой,
Когда дети все со мной,
Некогда мне унывать,
Да года свои считать.

Сегодня я прощаюсь с ним

(Цапаеву Ивану)

Мой друг погиб в Афганистане,
Учился и дружил я с ним.
Он был весёлым, умным парнем, —
Сегодня я прощаюсь с ним.

На проводах весёлых и беспечных,
Вино хмельное пили с ним.
Он был всегда душой застолья, —
Сегодня я прощаюсь с ним.

Он ушёл мечтой и делом полон
И все дороги перед ним.
А вот лежит он, смертью заколдован, —
Сегодня я прощаюсь с ним.

Письмо с войны, которой не было

(Цапаеву Ивану)

Здравствуй моя мамочка родная
Я решил тебе сегодня написать.
Как живёшь ты дорогая,
А сердце мамы между строчками читает:
Я не могу тебе все рассказать.

С ребятами живем мы дружно,
Не забываем отчий дом.
Нам здесь Россию помнить нужно,
А сердце мамы между строчками читает:
С ребятами сын служит за бугром.

Прости родная, что пишу тебе я так коротко
Сейчас у нас здесь вечер и покой.
А сердце мамы между строчками читает:
Что сыну на рассвете снова в бой...

И вот однажды рано утром
Пришло в деревню казенное письмо:
Ваш сын погиб, написано, геройски.
А сердце мамы между строчками читает:
Прости ты мне родная всё...

От нас ушли навсегда

Что же господа вы натворили,
Отправив сыновей в неравный бой?
Вы души невинные стубили,
Своею не дрожащею рукой.

Сквозь поры Земли кровь проступает,
Ржавчиной упавшей, сгнившей листвы.
Сколько крови прольется, никто не знает,
Сколько ещё войн прошагает по телу Земли.
А сыновей России, уже не вернуть никогда
Они навеки ушли от нас, навсегда...

Страшная сказка

Кровь, как вода в половодье кипит
И глаз бесовский веселит.
На пирушку кровавую вампиры слетелись
И по трупам людей вампиры расселись.

То-то есть, где сегодня им пировать,
Из-за черных туч луча света не видать.
Нет, это не миру венец —
Это страшной сказке конец.

О политике

Сошлись в Белый дом когда-то,
Коммунисты, либералы, демократы.
Стали думать и гадать,
Как бы матушку Россию, дороже им продать.

А народу сказать им нужно,
Пояса затяните вы все дружно.
Только мы пояса не затянем
Потихоньку Россию растянем.

Каждый тянет на себя одеяло,
Каждый глотку дерет мне мало.
Одеяло, — родные просторы,
Да, видно в думу сошлись одни ...ры.

Сошлись в Белый дом когда-то,
Коммунисты, либералы, демократы...

Слепой пиит

Я по земле бреду, безумство тешу.
А жизнь, как воск расплавленный бежит,
На пути своем я ничего не вижу,
Боже мой, ведь я слепой пиит.

Да, я ослеп от крови алой,
Что обильно, землю нашу полила.
Да, я ослеп от боли матери,
Что сына на пир безумствам отдала.

Ветераны

Солдатам, не вернувшимся с войны,
Я говорю, простите нас отцы и деды,
Что вспоминаем Вас мы только в День Победы,
Что не смогли сберечь мы Землю от беды.

Что по Земле спустя полвека,
Идет война с разрухой пополам,
И вновь, и вновь стреляют в Человека,
И горе бродит по домам.

Мир и тишину для нас вы отстояли,
А мы сейчас спустя полвека,
Об этой мирной тишине мечтаем.
Снова на Земле стреляют в человека!

Да, вы полвека назад точку поставили
Во Второй мировой войне,
Пусть эта точка, будет знаком мира,
Но не начало — новой беде!

Было время

Было время, когда Гитлер глаголил:
«Дойду до Урала, и шар земной будет мой!»
Было время, когда Гитлер глаголил:
«Захочу, и вселенная ляжет ниц передо мной!»

Но не дано было планам сбыться,
Что зародились в его голове.
Фашистам удалось из Днепра напиться,
Да захлебнулись в Волге — матушке реке

Наш народ встал грозною преградой,
На пути фашизма, что шагал по всей Земле
И сломал хребет ему под Сталинградом
И топил без жалости чуму в Днепре.

Солдатские руки

Пусть я не слышал, криков контуженных.
Пусть я не видел, разорванной в клочья земли.
Но мне не забыть рук мужицких, натруженных.
Тех самых рук, что когда-то меня спасли.

Спасли эти руки от лихой години,
Что пророчили мне черные с крестами орлы.
Спасли эти руки от горькой судьбины,
Спасли мою землю и меня спасли.

А теперь эти руки изрыты морщинами,
Лицо закрывают, чтоб не видели слёз,
Горьких слёз, когда плачут наши мужчины,
Когда говорят им, что пролита кровь не всерьёз.

Когда говорят им, что плохо старались,
Когда говорят им, что незачем вам ордена,
Что от жизни такой мы только измаялись,
А другая нам жизнь из за вас не дана.

Кто виноват, что жизнь мы такую состряпали
И зачем нам винить, теперь стариков
Тех стариков, что всю Европу прошлепали
И спасли нас от рабских оков.

Мне снится война

Мне снится по ночам война,
Стоит солдат, как часовой у дома.
Мне снится по ночам война,
Которая по рассказам мамы, мне знакома

Мне снится, как погиб мой дед
И не успев сказать последнее мне слово,
Ушел туда, откуда и возврата нет.
И вновь война все снова, снова...

Мне снится, как горят дома
И как по Земле цветущей
Идет она, — война.
Со взрывами и грохотом ревущим.

Мне снится по ночам война,
И просыпаюсь я, в животном страхе,
На улице уж осень ждет зимы,
И лес, как в окровавленной рубахе.

Военный госпиталь

Снова солдат в атаку идет,
Солдат Второй мировой,
За собой зовет нас, зовет
В неравный, кровавый бой.

Он землю свою, готов защитить
И грудью за каждую пядь стоять.
И огня в душе его не залить,
Солдат в бреду, он воюет опять.

Ещё он вчера вместе с нами курил
И шутил, душу, словом своим веселя.
А сегодня его недуг военный скрутил
И в атаку отправил шутя.

Он снова идёт по вздыбленной,
Разорванной в клочья земле.
И знает нельзя не на шаг отступать.
Звучит в голове, как набат, приказ:
«Ребята! Надо стоять! Надо стоять!»

Он идет, а рядом гибнут друзья
И вдруг закричал он: «Вперёд!»
Солдат со смертью играет шутя,
Кто скажет ему, что впереди его ждёт.

И вдруг, столб огня из под ног, —
Он в черную пропасть летит.
Очнулся, белеет над ним потолок
И ночник синим светом, горит.

Гостья тоска

Капли дождя стекают по стеклу
Пришла тоска, я сделать ничего не могу
Пришла тоска, на душу камнем легла,
Пришла тоска, и память с собой привела.

Гостья тоска не стучись в окно,
Гостья тоска дом заброшен давно,
Этот дом давно уже не жилой,
В этом доме давно я расстался с тобой.

Этот дом давно позаброшен всеми,
В доме давно, детский смех не звучит,
Но гостья тоска входит в дом, как хозяйка
И огарок свечи пламенем сонным горит.

Плачет свеча, капли воска стекают,
Застывая у ног монолитом тоски,
Гостья тоска, только ты одна знаешь,
Как вечера в этом доме бывают длинные.

Полумрак паутиной окутавший стены,
И мерцание сонных огней в зеркалах,
Только сердце моё не прощает измены,
Заковано сердце моё в кандалах.

Я кандалами к дому прикован
И жить мне свой век с тоской суждено,
Гостья тоска я тобой очарован,
Так уводи же меня на проклятое дно.

На дно, где смогу я уснуть и забыться
И вечный тот сон не потревожит никто,
А если дано мне на свет возродиться,
То гостья тоска не стучись в окно!

Измена

Я в жизни изменял своей постели,
Что остывала без моего тепла.
Я изменял, весенней капли,
Что как слеза с небес текла.

Я изменял траве, по которой
Утром босиком ходил.
Я изменял любви, которой
Нигде не находил.

Больше всех я изменял себе,
Потому что жизнь свою,
По мелочам менял.
Изменял и счастьем, и любви,
Как жаль, что часто так я изменял.

Одиночество

Я болен своим одиночеством,
Я бреду по жизни с ним.
Все стремятся достичь вершин,
Только мне ничего не хочется
Мне хорошо с одиночеством моим.

Друзья свадьбы играют,
Пьют вино, смеются, разводятся,
А я живу в своём доме один,
Мне не нравится мое одиночество,
Но не могу я расстаться с ним.

Я хожу, как в оковы закованный,
С одиночеством я обручён.
Одиночеством я околдованный,
Только с ним откровенен во всем.

Не порвать мне оковы печальные,
Я не выйду на белый свет,
Не узнаю прелести изначальные,
Я не в жизни ищу ответ.

От души моей ключи потеряны,
Не найти не родным, не друзьям.
Они в руки одиночеству вверены
И рвут душу они пополам.

Одиночество, как бритвой по сердцу,
Хозяйничает в моей душе,
Мне любит весь мир хочется,
Но не узнать мне любовь уже.

Я болен своим одиночеством,
И оковы с души не сорвать,
А душу открыть очень хочется
И любви все ключи отдать.

Простое слово

Мама, мы родившись произносим.
С этим словом по жизни мы идём.
В душе, до небес его возносим.
И страдаем, если забываем вдруг о нем.

Человек не счастлив был с рожденья,
Если это слово душу не согрело,
Если у него над колыбелью
Мама в детстве песенку не пела.

Мама, обогреет душу в холод,
Укроет от ненастий и дождя.
Мама, отведет от нас невзгоды.
Её образ вечно в сердце у меня.

Мама

Моя мама рано поседела
И волосы черные как смола,
Старость не пожалела
И молоком небес их облила.

Жизнь сложилась трудной и нелепой,
Все было в ней, радость и беда.
Двери отворив, бездомною калекой
Старость с одиночеством вошла.

Ночью чаще все бессонница тревожит
И сердце от тоски знобит.
В такую ночь, вся жизнь,
Как в немом кино проходит,
А время, что осталось, все быстрее летит.

Морщины все лицо у матери изрыли,
Как будь-то плугом, здесь беда прошла
И думы горькие ей душу отравили,
Хотя мама к себе их в душу, не звала...

Хлеб победы

Моя мама сегодня вместе с солнцем встала,
У мамы моей сегодня много хлопот,
Муку просеяла и квашню поставила.
У нас в семье такое правило:
К празднику победы — праздничный пирог.
А тесто, словно важный господин,
Напыжилось, надулось и лезет вон из кадки.
И видно «господин» собрался за порог
Но у нас в семье такое правило:
К празднику победы — праздничный пирог.
Я тесто по бокам ложкой деревянной,
Ах, ты подожди, вот растопит мать печь
И тебя раскатает, положит на противень
И посадит в тепло, чтоб бока пропечь.
Сегодня пирог получился на славу
И каравай румяный лежит на столе.
И может сегодня, попросим мы маму,
Рассказать нам с братом о войне.
И мама, устав от праздничных хлопот,
Тихонько сядет на широкую скамейку.
И рассказ, как нитку поведет,
Но сначала скажет нам:
«Жуйте-ка пирог, и молока себе налейте»
А потом она расскажет о лепешках
Из лебеды, что пололи мы на грядках
И с другом Лешкой думали:
«Что во всем мире хуже нет беды.»
И мама расскажет, как бабушка пекла пирог
Из половы гречневой, да овсяной каши,
Когда деревню освободили наши.
Я беру побольше пирога кусок
И слушаю, как родители жили наши,
А потом наевшись, спешу за порог.
Я уверен, что это хорошее правило:
К празднику победы — праздничный пирог.

Прощание

Когда мама меня в дальний путь провожала
И в минуту разлуки благословила меня,
Только мама моя, только мамочка знала,
Как трудно мне будет жить без тебя.

Судьба не жалеет по дорогам бросает
И о маме родной начал я забывать,
Только мама моя, только мамочка знает,
Только сердце ее всё умеет прощать.

Я вернулся домой, меня мама встречает.
Уж седую старушку, крепко к сердцу прижму.
Только мама тебя, только маму родную,
На земле этой вечной больше жизни люблю.

Когда закружит

Когда закружит жизни карусель,
Да так, что на миг нельзя остановиться,
Чтоб не разбить в кровь душу и лицо:
Иди родной могиле поклониться.

Холодному надгробью расскажи
О том, что на родной земле творится,
Что словно конь ты загнан, с пеною у рта.
И некому воды подать, тебе напиться.

С души, как с чаши, горечь всю прольешь.
И станешь, с облегчением молиться.
Потом встанешь и тихонько прочь пойдешь,
Чтобы снова на карусели закружиться.

Давай любить так,
Чтобы сердце в кровь,
Чтоб любовь на устах
И в душе любовь.

Метель

Давай посидим и себя мы послушаем,
Мы к этому шли с тобою давно,
А метель закружила, завьюжила
И бросает снежинки в наше окно.

Как могло так случиться,
Мы друг друга не поняли,
Не смогли разобраться в нашей любви,
И кружат над нами не белые голуби,
А белые хлопья, вестники долгой зимы.

Зима пришла, замела все дороги.
И холод между нами пробежал.
Давай с тобой попросим мы Бога,
Чтоб на краю разрыва нас удержал.

Чтоб дал нам силы, — забыть все скандалы,
Чтоб друг друга понять мы смогли,
Чтоб друг друга мы услышали,
Среди безумств снежной пурги.

Молчи, не говори, прощай
И пусть весь мир нас подождёт.
Если я обидел невзначай,
Прости меня и боль уйдёт.

Весь мир сошёл с ума из за войны
И время повернуло словно вспять.
Нет, мы с тобой сегодня не должны
Друг друга в этом мире потерять.

Весеннее

Я женщину люблю за локон у виска,
За то, что каждый день бывает хороша.
Весной, когда земля от сна просыпается,
Весной, когда солнце всем улыбается, —
Женщина особенно бывает хороша,
Расцветает женская особая душа.

И готовит женщина завлекалочки,
И готовит женщина привлекалочки,
Снова женщина, как перед прыжком пантера,
Что я вам наплёл, полнейшая химера.
Женщину понять, увы мне не дано.
Я в море с нею утону, да море глубоко,
У моря любви нет дна
И снова женщина остаётся, загадкой для меня.

Оттепель

Когда на улице дождь моросил
И капли по лицу бежали,
Подумал я, что жизнь идёт,
В которой мы друг другу, не принадлежали.

Готов ромашкой стать в руках твоих,
Которую случайно ты сорвала
И потеряв все лепестки, лежать у ног твоих,
А жизнь, как дождь, все мимо нас бежала.

И видно богом мне дано,
Узнать любовь твою и жизнь начать сначала.
Забывать про все прошедшие года,
Когда мне ты не принадлежала.

Давай же дорогая улетим на небеса,
Не ведая ни грусти, ни печали.
И вместе мы придем туда,
Куда полжизни разными дорогами шагали.

Готов всю жизнь тебе, любимая, отдать.
И в церкви белой, где Россия мир венчала.
Готов сказать тебе: «Да, я люблю тебя!
И я хочу, чтоб жизнь моя, тебе одной принадлежала!»

Три строчки о любви

Нина, Ниночка, Нинуля
Словно стройная косуля,
Пробежала ты по мне
И травинки не сорвала,

Порезвилась, убежала.
Отчего тогда брожу я,
Словно в сладком сне.

Как кошулю мне поймать,
Как тобою обладать,
На вопрос ответь скорей,
А то любовь мне не унять.

Жене

Я заболел тобою Нина,
Твоею женской красотой,
Любовь поранила мне душу,
Навеки унесла покой.

Зачем бродить по белу свету,
Искать лекарства от любви,
Навек останусь я с тобою,
Меня ты Нина лишь люби.

Любовь прокралась незаметно
И в сердце разожгла огонь.
Так пусть огонь сожжет мне душу,
Но я останусь с тобой.

В альбом

Пусть это фото
Дружит с памятью твоей,
А коли суждено,
Забвению случиться,
То пусть сожжет его,
Огонь любви моей.
И пепел в воздухе,
Пусть раствориться.

Крысы

Да какие это к чёрту эмигранты,
Просто крысы побежали с корабля.
Все насквозь фальшивые таланты,
Что в стране играли, даже не любя.

Среди них, заслуженных немало,
Заслужили почести в стране.
И сбежали словно аферисты,
Позабыв о матушке земле.

О России, где их кормили и поили
И народ страны их на руках носил.
А теперь артисты всё забыли
Словно, бешенный шакал их укусил.

И сбежали крысы за границу
За бугор служить другим властям.
И оттуда брызжут ядом на Россию
Уподобившись не званым холоумам.

Там теперь вы пришлые артисты,
Не блистать на сцене больше вам.
Вы талант свой продали Мамоне
По заслугам и воздастся вам.
2024

Диалог

Когда не пишутся стихи,
Совсем не пишутся сонеты,
Не пишутся короткие куплеты,
Присядь на стул и посиди в тиши.
Муза тихо в дом войдёт,
Сядет рядом у окошка.
Спросит тихо: " Грустишь поэт?"
Ответишь: «Взгрустнулось немножко»
— Зачем грустить? Ты посмотри в окно,
там жизнь кипит и солнце светит ярко!
— На улице холодно и хмуро, и темно,
всё небо в серых тучах уж давно.
— Но солнце там, за тучами оно!
Всем светит, землю нашу согревая!
А ты идёшь слепой давно
не только солнца, но и жизнь не замечая!
— Да, жизнь идёт, не пишутся сонеты.
Вдохновение бродит рядом где-то.
— Ты жизнь свою как паразит живёшь.
Не яркой жизнью знаменитого поэта.
Сидишь со мной и разговор ведёшь.
Скучен и сварлив с тобой неинтересно.
— Мне в этом мире тесно! В душе моей темно!
Болит душа, страдает в темноте.
— А ты ей дай тепло любви
и солнца луч зажги в душе,
тогда и я приду к тебе.

Это слово любовь

Три древа, жизни основа
Вера, надежда, любовь.
Господь произнёс это слово,
Сказал: " Главное в жизни, — любовь».

Любовь не бывает нежной,
Она не бывает злой,
Она нам дарит надежду,
Больной душе приносит покой.

Любовь к тем, кто рядом с тобою
И к тому, кто сейчас далеко.
Любимый всегда придёт на помощь
Пусть и ему в данный час не легко.

Любовь к жизни, к заре и закату
Первой радуге, что над лесом стоит
Всё это не купишь за злато,
И сердце твоё от счастья щемит.

Любви желаю любимой,
Моей любимой на все времена,
Говорю: Спасибо Господи родимый,
Ведь Нина в жизни, мне Тобой дана.

О войне, которой нет

Я не могу писать, сегодня о войне
О том, как гибнут наши дети.
Не пишутся стихи и о любви
О любви большой, на белом свете.

О любви, которую нам завещал Господь:
Люби врага, как брата своего.
И разрывают бомбы мою плоть
Все, что падают где-то далеко.

Все пули летят в мою грудь,
А не в юнца, что не успел пожить.
Господь прошу: Пускай придёт добро,
Пусть люди на Земле, научатся любить.

Моей маме посвящается

БАБА

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребенка качать!
Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..
Некрасов Н. А. из стихотворения
«В полном разгаре страда деревенская...»

— Лилька, вставай, — кричала мать из кухни, — Вставай, негодница!

— Ну, мам. Я ещё только чуточку...

— Вы посмотрите на неё, а кто брату снідать в поле понесёт?

— Надька пусть несёт или Любаша.

— Надя ещё мала, а Люба уже в школу ушла, у неё сегодня экзамен. Вставай, вставай, не будешь с парубками до полночи по улице носиться! В кого у нас эта девчонка растёт, никакого сала с ней нет, — ворчала мать на кухне, перебирая котелки.

Лилька нехотя слезла с кровати, оделась, подошла к рукомойнику брызнула на лицо воды, так и умылась.

— Ой, мамочка, у нас пироги? Что за праздник?

— Да, так без праздника, решила ещё вечером опару поставить, — ответила ей мать. — Помнишь перед пасхой в прошлом году, ты у меня просфору стащила, пока я с паляницами возилась и ходила потом к батюшке, прощенья просить.

— Помню, — буркнула Лилька, — а батюшка дома гуся жареного ел.

— Цыц, у меня, ещё кому не расскажи. Ешь, давай и отправляйся, отнесёшь Ванюшке пироги и молоко.

Лилька умолкла, и начала есть пирожок с картоплей, запивать его тёплым молоком. Наевшись, взяла корзинку с пирожками, надела фуфайку, натянула на голову старую шапку и вышла из хаты.

Была весна! По улице села Эсмань бежала худенькая, бойкая девчонка восьми лет от роду. Для весенней поры, она была тепло одета.

— Что, Лида, брату в поле обед понесла? — спросила её соседка.

— Да, тетя Глаша, понесла Ваньке обед.

— А где Люба? Тебя малую в лес отправили?

— В школе она, экзамены сдаёт, — ответила Лида и добавила, — некогда мне, побегу я.

— Ну, беги, беги... — тётка Глаша задумалась и долго смотрела в след убегающей девочки. — Как быстро у Кати с Демьяном выросли дети, а давно ли на свадьбе у них гуляли, мой Миша играл на гармошке, — она вздохнула и, вспомнив о своих делах, пошла дальше.

Лида, выйдя из залитого солнцем села, бежала вдоль поля, где-то там, на дальних полях, работал её старший брат Ваня. Он в этом году закончил девятый класс и пошёл помогать в колхоз.

Лилька присмотрелась, впереди, на меже, у самой кромки леса, что-то лежало. «Интересно! Потеряли что-то или положил кто, да забыл?», — подумала Лилька и решила посмотреть. Подойдя ближе, она увидела лису, которая спала на солнце. Казалось, лиса даже не заметила девочки, Лилька решила поймать лису.

Поставила корзинку с пирожками под куст, сняла фуфайку, чтобы рыжая не укусила и тихонько, пригнувшись, стала подбираться всё ближе и ближе. Быстро накинула лисью мор-

дочку фуфайкой, Лилька навалилась на неё всем телом, мотузок (веревка, бечевка) у Лильки, на всякий случай, всегда был в кармане.

Замотанная в фуфайку и связанная плутовка лежала спокойно, только дрожала. Лиса была напугана, она потеряла всякую надежду на спасение.

«Странно! Лиса совсем не сопротивлялась», — думала Лилька, — Куда теперь тебя тащить, рыжая? До деревни далеко, дома мамка бранить будет. Ладно, я крепко тебя связала, пока здесь лежи, я за братом сбегая.

Она подхватила корзинку с пирожками и побежала вдоль межи. Лида неслась сломя голову, не замечая ничего вокруг, не цветущих уже деревьев, не птиц, которые трезвонили на все голоса, ей даже казалось, что птицы её благодарили за то, что она поймала лису.

— Ты откуда, Лилька? Дома что-то случилось? — удивился брат. — Да ещё и раздета! Влетит тебе от мамки, на улице холодно, весна очень ранняя, хоть солнце и пригревает, но ветер сильный, продует.

— Ты, Ванька, опять со своими наставлениями, быть тебе учителем, — затараторила Лилька. — Вот, принесла тебе пирожки и молоко, а была я в фуфайке. — Лилька выдержала паузу, и хитро посмотрев на брата, добавила. — Я лису поймала и в фуфайку её замотала.

— Какую лису? Где она?

— Да там, на меже, отсюда совсем недалече.

— Насочиняла ты всё! В кого ты у нас такая, фантазерка?

— Я сочинила? — Лилька насупилась, — ну и ладно, принесу домой, увидишь. Потом тебе, братец, стыдно будет.

— Ну ладно, пойдем, показывай свою добычу, — согласился Иван.

Он отпросился у бригадира и они с сестрой пошли домой. Про лису, которую поймала сестра, говорить не стал, ещё мужики на смех поднимут, он самый молодой в бригаде. Сказал, что matka просила помочь дома, управиться с птицей, отец уехал в Глухов. Оставив мамины пирожки товарищам, они с Лидой весело пошагали домой.

— Вот это да! И, правда, лисица, — удивился Ваня, увидев на меже фуфайку, с торчащим из неё рыжим хвостом.

— Что я тебе говорила!

— Удивительно, как плутовка тебе далась?

— Сама не знаю, она была еле живая.

— Может больная, заразная, — брат нагнул, чтобы поближе рассмотреть добычу.

Поначалу лиса пыталась выбраться из ловушки, грызла фуфайку, но верёвки достать не могла. Потом успокоилась, казалось, смирилась со своей участью.

Ваня нагнулся к лисе, она не оказывала никакого сопротивления, только тихонько скулила.

— Да ведь она тяжёлая, с «пузом», — прошептал Ваня и, обернувшись к сестре, добавил, — лисят ждёт твоя добыча. — Ваня проверил верёвки и поднял лисицу. — Тяжёлая, как понесём?

— Я помогу...

— Давай, помощница, помогай, коли поймала...

Вдвоём они понесли рыжую домой. Лида всеми силами старалась помочь брату, но у неё плохо получалось, она лишь изредка придерживала лису, чтобы брат мог немного отдохнуть. Хорошо, что в селе, в это время, почти никого не было. Только редкие бабушки сидели у своих хат и грелись на солнышке. Они жадно и тяжело вдыхали весенний воздух, смешанный с запахом цветущих садов и прелой травы.

Проснувшись от зимы, природа щедро дарила свою силу и радость, всему живому на земле.

— Ваня, а что ты так рано с поля? — увидев в окно сына, спросила мать. — Тебе Лилька обед унесла, а ты сам домой пришёл.

— Я, мама, отпросился у бригадира. Наша Лилька лису поймала!

— Какую лису? — спросила Надя, которая недавно встала с постели и была на кухне вместе с матерью.

— Да, яку ещё лису? Зачем нам лиса? Кому мать адресовала вопрос, было не понятно. Она задумалась.

— Меня бабы на ферму звали помочь, идти пора, а тут лиса! Что делать-то с ней будем? Ума не приложу!

— Отец из города вернётся, решит, — деловито ответил, Иван.

Когда не было отца дома, он был за «старшего» в семье.

К слову сказать, в семье у них было три дочери и сын.

Лису посадили в старую, но прочную клетку. Лилька с Надей, сбегав на кухню, принесли воды и молока.

— Вы ей курицу лучше дайте, — засмеялся Ваня.

— Ага, курицу. Что отец скажет, когда приедет, — пробурчала Лилька. Она уже жалела, что поймала лису, куда теперь девать находку.

Мать ушла на ферму, она не отказывалась помочь бабам на ферме и в колхозном саду, хотя хлопот по дому и с детьми хватало.

Лилька и Надя крутились возле лисички. Иван занялся домашней работой. Вскоре пришла из школы Люба, сказала, что очередной экзамен сдала на пять, ещё осталось два. Поздно вечером мать вернулась с фермы, сели ужинать.

Поев, дети легли спать, а мать ждала отца.

Отец вернулся ночью, он работал в сельсовете, им с председателем часто приходилось ездить по району.

— Демьян, ты, снова пьяный? — спросила его мать.

— Цыц, Катерина, — буркнул отец. — Мы с председателем заезжали в гости к куму, ну и выпили чуток.

Всё это слышала Лилька. Девочки уговорили мать, и она разрешила им спать на печке.

Лилька решила, что спать не будет, а дождется отца, и расскажет ему о своей находке. Она слышала, что родители ссорятся на кухне и не решилась заговорить с отцом.

— Садись ужинать, я пироги испекла, — сказала мать, она не хотела слушать его оправданий. Муж всё чаще задерживался на работе и приходил домой пьяным. На ферме бабы судачили, да и ей не раз говорили, что у Демьяна есть любовница, что видели его с молоденькой секретаршей.

Катерина не верила сплетням, ведь она любила Демьяна, да и он тоже, дети родились. Как взрослым детям объяснить, что происходит с нами?

Демьян угрюмый и не довольный сел за стол. Он налил себе молока и стал молча есть.

Катерина сидела напротив, и смотрела на мужа, стараясь увидеть в его лице ответы на мучившие её вопросы, но не находила.

— Лида с Ваней сегодня лису из леса принесли.

— Какую лису?

— Обыкновенную, рыжую, — усмехнулась она.

— Что ты усмехаешься? Я понимаю, что лиса рыжая. Где они её взяли?

— Лида в лесу поймала.

— Завтра позвоню в район, там скажут, что с лисой делать.

— А с нами что делать? — вдруг спросила Катя.

— Что тебе делать Катя? Не знаешь чем заняться? Ты, нигде не работаешь, живешь в моём доме. Этот мой дом! Отец строил! Ему Тарас Шевченко помогал, я рассказывал или забыла?! Они с ним на каторге были, а потом он приезжал к нам в гости!

— Тише, Демьян, тише, дети спят. Я ничего не забыла... А на работу ты меня не пускаешь, сам говоришь, чтобы в доме всё было в порядке: дети досмотрены, и пироги на столе.

Катя медленно поднялась.

— Я, Демьян, всё помню. И о «Кобзаре» Тараса Григорьевича, подаренном твоему отцу и что Катенькой любимой меня называл, ты сам уже всё забыл.

— Пошли спать, поздно уже, — лишь сказал Демьян.

Отец отодвинул тарелку, и вышел из кухни, а мать, убрав со стола, тоже ушла в комнату.

Лида лежала, притаившись, она боялась даже пошевелиться, и привлечь внимание родителей. Девочка жалела, что не уснула раньше.

«Всё из-за этой лисы», — думала сквозь дрему девочка.

Глаза её сами собой закрылись, и вот она уже бежит по цветущему лугу, потом, расправив руки, летит над не ведомой страной...

Ночью сменился ветер, погода резко изменилась, пришло тепло, оно разлилось по всем улочкам села и вылилось, как морской прилив, на поля и небольшие рощицы. Вместе с восходом солнца и новым днём на Украину пришло настоящее лето.

Утром, когда Лида проснулась, отца и Вани уже не было дома, они ушли на работу. Ничего не напомнило ей о ссоре родителей, её волновала лишь лиса и Лида побежала проверить свою находку...

— Да на месте твоя рыжая, увидев её, сказала мать. — Отец обещал в район позвонить и узнать, что с ней делать. Иди в хату, я вас накормлю, и отправляйтесь с сестрой пасти птицу.

— Опять с Надькой, лучше я одна.

— Сказано с Надей, что ей одной дома сидеть. Мне некогда будет с ней заниматься, я стирку затеяла.

Лида и Надя, в меру своих сил и возраста, помогали матери по хозяйству, ухаживали за множеством птицы, помимо гусей и уток, ещё куры и индюки.

Птицы в то время держали много, не только у них, но и в каждом дворе.

Рядом с их селом когда-то выкопали глубокие ямы, в них морили (выдерживали) в воде брёвна, прежде чем строить хату, эти ямы с водой называли — «копани», со временем морить лес перестали, а копани с водой остались, поверхность у края подёрнулась ряской, в них и плавали утки и гуси.

Вот и сейчас, позавтракав вчерашними пирогами, матушка всегда пекла много, как на «Маланьину свадьбу» Лида и Надя выгнали уток и гусей со двора и направили их к ближайшей от хаты копани.

Сёстры пасли птицу и вспоминали историю, которая приключилась прошлой осенью.

Мать готовила домашнее вино, а жмых от перебродивших ягод и фруктов, велела Лиде выбросить за сараем.

— Зачем добру пропадать, — по-своему решила Лида и высыпала весь жмых в птичий лоток. Птица, которая была в загоне, дружно набросилась на корм.

Через некоторое время мать, закончив дела в хате, вышла во двор посмотреть, чем заняты дети, увидела, что птица лежит на земле, без признаков жизни. Только индюки, очевидно не захотев Лидино угощения, важно прогуливались, среди лежавших гусей, кур и уток.

— Ой, батюшки! Да, что же это делается, люди добрые, — запричитала она. — Что с птицей случилось, мор напал или лихой человек сглазил. Чтоб его глаза «повылазили»! Да кто же это сробив?

Немного успокоившись, мать решила ощипать пропавшую птицу.

— Возьмем хотя бы перо, — думала она.

Старшие дети Ваня и Люба вернулись из школы.

Ваня перетаскал всю птицу в сарай. Он решил дожидаться отца и пусть отец решает, что с птицей делать. Но мать не послушала сына и стала ощипывать птицу. Люба помогала ей. В это время пришла и Лида, уроков у неё сегодня не было, учительница болела, и девчонка бегала с одноклассниками по улице.

Отец вернулся поздно и, узнав, что произошло днём, распорядился: «Павшую птицу, утром зароем в огороде. И чтобы все молчали о происшествии, мало ли что»!

Ночной холод и легкий осенний заморозок добрался до пьяной птицы, «похмелье» прошло, и очнувшиеся гуси, куры и утки подняли во дворе шум.

— Вот те на! Ха... Ха... Ха... — захлёбывался от хохота отец, он уже встал и вышел на улицу. — Ну, хозяйюшка, кто птицу вчера напоил? — спросил он мать, выбежавшую из хаты.

— Это я велела Лиде жмых от ягод, выбросить подальше, а она что же девка наробила, — стала оправдываться жена, увидев во дворе ощипанную живую птицу.

— Ну, Екатерина Петровна, — отец в особых случаях называл свою жену по имени отчеству. — Я на работу, а ты эту «срамоту» ощипанную, сегодня на улицу не выпускай, а то люди засмеют, а вечером решим, что делать.

— Да что ж, Демьян, я не понимаю, куда её такую выгонишь? Я думала, что хоть перо взять, в хозяйстве пригодится. Ванька говорил тебя подождать, да не послушала я его. А всё Лида, твоя любимица.

— Вы у меня все хозяйственные, вот и Лида решила, зачем добру пропадать. Дело сделано, теперь что руками махать, а Лида пусть сегодня дома сидит, нечего ей с пацанами по селу без дела летать.

Вечером отец пришёл с работы, они решили часть птицы забить на мясо, а часть, из-за наступающих холодов, зимой держать в хате.

Как в селе узнали эту историю, осталось загадкой для всей семьи. Может случайно зашедшая соседка, а может Лида в школе рассказала друзьям, только сельчане долго, смеясь, поминали Кате и Демьяну о происшествии.

Через некоторое время у птицы, оставленной на зиму в хате, появился легкий пушок, как у маленьких птенцов, от этого она выглядела ещё смешнее.

Эту историю снова и снова вспоминали односельчане.

Теперь и девчонки, вспомнив её, заливались весёлым смехом.

Через неделю, после того как Ваня и Лида принесли из леса лисицу, она оценилась и принесла пять красивых лисят. Дети даже просили отца оставить одного из них дома, уж очень они были забавные, но Демьян Васильевич не согласился.

«Ещё чего, лесного зверя дома держать? Это же не ёжик! Нельзя лисят с людьми» — отрезал отец.

Через два дня отец увёз лисий выводок в соседний район, в лесничество. Ему выдали за лису и лисят небольшую премию, и он купил подарки: Лиде красные сапожки, Наде фарфоровую куколку, на ней было красивое платье, и выглядела кукла, как маленькая дама. Не забыл отец и о Ване и Любе. Демьян извлёк из сумки большой красивый платок с кистями, — Это тебе, дорогая, женушка, — сказал он и накинул платок на плечи.

— Вот Лилька, твоя добыча оказалась богатой, всем подарки купил, и ещё денег немного осталось, — говорил отец, сидя важно за столом. — Дети у нас с тобой, Екатерина Петровна, замечательные. Ваня, будущий математик не меньше. Любаша учится на одни пятёрки. Не заметишь, как и Лильку с Надей замуж будем выдавать.

Младшие дочери от слов отца и полученных подарков развеселились и залились веселым смехом, радость заполнила собой все углы их большой хаты.

— Тятя, не говори, загодя, — возмутилась Люба, — завтра ещё один экзамен, последний. Тут она не сдержалась, заразительный смех сестёр, заставил и девушку засмеяться.

— Да, всё будет хорошо, доча. Я в вас всех верю, вы моя семья, моя опора.

От этих слов Лиде стало так хорошо и тепло на душе, радостно и весело. Она уже не вспоминала ночной разговор родителей на кухне.

Девочке казалось, что все дорогие, родные люди рядом, так будет всегда и никакая сила не сможет их разлучить.

Наступивший день не предвещал ничего плохого, всё было как обычно.

Люба утром ушла сдавать последний экзамен, Ваня и отец на работу.

Лильку мать отправила в соседний хутор Студёное к своей сестре, Надя караулила у копани гусей и уток. Она не расставалась со своей красивой фарфоровой куклой, вот и сейчас, девочка сидела на берегу и разглядывала красивое, кружевное платье.

Родители не разрешали детям купаться в копанях, вода была очень холодная, ещё не успела прогреться под летним солнцем. Надя решила искупать свою любимую куклу.

— Сейчас я тебе платье сниму, не бойся, никто нас не увидит, только любопытные гуси, а уткам и дела нет, вон как они быстро плавают. — Надя ловко сняла с куклы платье и опустила её в воду, неожиданно кукла выскользнула из рук девочки и пошла ко дну.

— Моя кукла! — закричала Надя. — Помогите! Моя кукла! Утонула...

Надя сидела и плакала, но её никто не слышал, гуси уже давно потеряли к ней интерес и теперь важно плавали, занимаясь своими делами. Они ныряли в водоем и что-то доставали и совсем не обращали на девочку внимания.

— Ты что реवेशь? — вдруг кто-то спросил девочку, ей показалось, что это гуси смеются над её горем. Она подняла заплаканные глаза и увидела Любу.

— Любаша... Ты откуда здесь? — удивлённо спросила Надя, все ещё всхлипывая...

— Из школы. Сегодня последний экзамен сдала, на пять! Директор школы сказал, что на торжественной линейке, мне вручат грамоту и подарок, не смогла скрыть радость девушка. — Отец прав оказался! Через неделю у меня выпускной!

— Тебе радость, а у меня горе, — всхлипнув, сказала Надя.

— Что-то случилось с утками?

— Да ну их, этих уток, — отмахнулась Надя, — вон плавают, все тут, да ещё и гуси гогочут...

— Да в чём дело, говори ты толком, — не выдержала Люба.

— Мой подарок! Моя кукла любимая, в копани утонула, я её только искупать хотела. — Надя опять заревела. — Вот только платье и осталось...

— Эта беда, не беда! — засмеялась Люба. Она быстро сняла с себя легкое, почти как у куклы воздушное платье и нырнула в воду.

— Глубокая! — сказала Люба, выныривая из копани. — Достану я твою куклу, не реви.

Люба набрала больше воздуха и снова нырнула. Наде казалось, что время остановилось и даже испуганные утки и гуси притихли.

— Вот твоя кукла, — сказала Люба, выныривая из копани, — еле её нашла на дне, — и протянула куклу радостной сестре.

Уже через пять минут сёстры весело шагали домой, они всю дорогу вспоминали эту историю и звонко смеялись.

— Любаша, вы с Надей? И птицу пригнали, а я сама уже собралась идти? — спросила мать, выйдя из хаты. — Как сдала экзамен, доча?

— Мамочка, экзамен сдала на пятёрку! Директор грамоту и подарок обещал! Помнишь и тятя про это говорил.

— А почему у тебя волосы мокрые?

— Купалась. На экзамене ух как жарко было!

— Купалась, доню? Да как же, Любаша? Ещё вода холодная, двух недель тепла не было, а ты купаться. — Всё говорила и говорила, не умолкая, встревоженная мать.

Все зашли в хату. Время было обедать, мать уже накрыла на стол. Люба что-то взяла со стола и стала есть.

— Люба, обедать сейчас будем. Скоро отец с Ваней придут, Ваня сегодня на ближних полях, — сказала мать.

— Я проголодалась, мамочка, и устала, — ответила Люба.

К обеду вся семья собралась, и даже Лида вернулась из Студёного.

— Тётка Параша, просила всем кланяться, — тараторила, Лилька, — Вот ещё гостинцы отправила и мёд!

— Мёд это хорошо, а травку, свечи? Зачем я тебя отправляла?

— Всё принесла, всё! Вот в газету завернуто!

После обеда Надя рассказала Лиде историю про куклу и как Любаша доставала куклу из копани.

— Только родителям не сказывай, — сказала Надя, — а то попадёт. Мама шибко расстроилась, когда увидела Любу с мокрыми волосами.

Солнце уже коснулось горизонта, окрасив небо зловещим красным цветом, словно где-то за небесной чертой полыхал пожар.

К вечеру у Любаши разболелась голова, она сначала молчала и ходила по дому, стараясь успокоить боль.

— Что ты, доню?

— Голова болит, — ответила Люба.

— Это все твои купания в холодной воде. Там, поди, в копани, и ключи совсем холодные есть, — ворчала мать. — Ложись в постель, я молока с мёдом согрею, благодаря пчёлкам быстро на ноги поднимешься.

Люба выпила теплое молоко с медом, но голова болела всё сильнее и сильнее, словно океанские волны пытались вылиться из головы наружу и этот шторм всё бушевал и бушевал, боль стала нестерпимой, она не стихала, ни на минуту.

Вернувшийся с работы отец, отправил Ивана за доктором. Врач долго сидела у кровати Любы, поставила ей укол, спустя некоторое время второй, но боль не стихала.

— Демьян Васильевич, нужно срочно из Глухова вызывать врача, — сказала она.

— Простудилась она, — сказала мать, — удумала в копани купаться.

— На простуду не похоже, — ответила врач. — Вот номер телефона идите в сельсовет и звоните срочно в Глухов, а я с Любой останусь.

Отец ушёл, через некоторое время врач снова поставила Любе укол, девушка только тихонько стонала.

— Глухов! Алло, это Глухов, больница! — кричал в трубку отец. — Мне нужен врач-невролог, как уже дома?! Дайте домашний номер! Как не даёте? — отец на секунду замолчал. — У меня дочь умирает!

В трубке всё стихло, отцу казалось, что время растянулось, как резина, и остановилось.

— Вы откуда звоните? — спросил в трубке уже другой голос.

— Из Эсмани, из сельсовета, — почему-то добавил отец. В трубке что-то всхлипнуло и замолчало:

— Что у вас произошло?

— Говорю же вам, у дочери сильные головные боли.

— Вы ничего не говорили. Своего врача вызывали? — почему-то спросили на том конце провода.

— Конечно, наш доктор и сказала звонить в Глухов, а сама с дочкой осталась, уколы не помогают.

— Как не помогают?

— Да, не знаю я, — отец замолчал. — Сделайте уже что-нибудь...

— Хорошо-хорошо, мы сейчас к вам выедем, — в трубке раздались звонкие гудки, как удаляющийся поезд, звучали они в голове отца.

Демьян положил трубку, вышел из сельсовета, закрыл дверь на замок. Силы словно покинули его, своей Любаше он не мог больше ничем помочь, а смотреть, как она страдает, не было сил. Впереди ждала беспокойная и полная ожиданий бессонная ночь. Ближе к рассвету из Глухова приехали врачи, они поговорили с местным врачом, потом попытались поговорить с Любой, но она плохо понимала, что происходит.

— Я ей морфин поставила, — стала объяснять им врач, — надеюсь, что уснёт.

— Сейчас мы тебя посмотрим, девочка, — сказал седой мужчина, — Смотри на молоточек. Голову можешь повернуть или приподнять? Посмотри вправо, тебе плохо? Видишь молоток? — он долго осматривал Любу. — Устала? Хорошо, отдохни.

Все ждали, что скажет доктор. Врач, медленно поднялся и отошёл от постели больной, он достал сигареты, но подержав пачку в руках, сунул её обратно.

— К сожалению, вы правы, голубушка, — обратился он к местному врачу, — всё указывает на острый менингит. В город её везти нельзя, думаю, и не имеет смысла, девочку лишний раз мучить.

— Как нет смысла, — заволновался отец. — Надо из Сумм вызвать врачей!

— Тише, ей сейчас любой звук доставляет боль. Вы курите? — неожиданно спросил врач. — Пойдёмте во двор, я вам всё объясню.

Они вышли из комнаты, за ними вышли, все приехавшие из Глухова врачи и местный врач тоже поспешила на воздух.

Около Любы остались мать, Лилька и Надя.

— Это ты виновата, Надька, — сказала Лилька, — ты, растяпа, утопила свою куклу.

— Тише вы окайнные, — прикрикнула мать. — Какую куклу?

Девочки замолчали.

Наконец Надя со слезами и всхлипыванием, стала рассказывать, как всё было. Как она сидела у копани и решила искупать куклу, а гуси загоготали, она отвлеклась и обронила её в воду. Люба шла из школы, увидела сестру в слезах и решила достать из копани куклу, полезла в воду.

— Люба никому не велела сказывать, — всхлипывала Надя, — я только Лильке рассказала, по секрету, а она, она... Я не виновата и кукла эта мне больше не нужна.

— Никто не виноват, так уж Господу угодно. Любаша у нас добрая, всех любит и всегда спешит на помощь, — вздохнув, сказала мать.

Она украдкой посмотрела на старшую дочь, ей показалось, что Люба уснула.

В это время на крыльце стоял отец и врачи, мужики нервно курили, женщины в ожидании стояли рядом.

На крыльцо вышел Ваня и услышал разговор:

— Врачи из Сумм, вашей дочери уже не помогут. У неё, судя по симптомам, острый менингит. Эта болезнь, очень быстро развивается, и остановить её современная медицина не может. Всё что возможно в наших силах, это облегчить боль.

— Это что за медицина, если не может спасти мою дочь? — отец скомкал в руках не затушенную сигарету и даже не почувствовал боли.

— Мы не всеильны, голубчик.

— Какой я вам «голубчик»?!

— Извините, папаша, вредная привычка, ещё с гражданской войны осталась. Вам лучше успокоится, ваше состояние чувствует и дочь, попытайтесь не показывать ей своего горя.

Мать с девочками вышла из хаты.

— Какого горя? — спросила она.

— Вот, Екатерина Петровна, врач говорит, что Любашу нам не спасти.

— Это как? — слова застряли в горле матери...

Девчонки заревели в голос, по щекам Вани тоже потекли слёзы, а мать застонав, рухнула на деревянную скамейку. Врачи подбежали к ней и дали что-то понюхать.

— Кто-нибудь, принесите ей воды!

Доктора из Глухова уехали, местный врач, как показалось Лильке, обращаясь в пустоту, сказала:

— Каждые три часа я буду приходить ставить уколы, теперь только ждать, уже всё не в наших силах.

Село гудело, как пчелиный улей, люди обсуждали и пересказывали случившееся в доме Демьяна Васильевича и Екатерины Петровны. Многие приходили к ним и предлагали помощь, но чем они могли помочь?

День незаметно скатился к вечеру. И даже птица молчала, хотя просидела весь день во дворе. За беспокойным днём наступила вторая бессонная ночь, потом ещё один такой же бесконечно тянущийся день, но и он не принёс облегчения Любаше. К вечеру Любы не стало...

Лида не понимала, как такое могло случиться, почему не стало их доброй старшей сестры! Именно Любаша придумала называть её Лилькой: «Ты у нас красивая, как лилия, — говорила Люба сестре. — Вот только бегаешь с пацанами! Смотри, вырастет из тебя не „красна девица“, а Лилька-разбойник!» И Любаша весело смеялась, сейчас, вспоминая эти слова, Лилька горько плакала.

На похороны собрались друзья и родственники, ближние и дальние, из ближних деревень и даже из Киева и Харькова. Народу было столько, что большая хата не могла всех вместить, поэтому часть гостей разместили у соседей.

Приехал и батюшка, но его отец в хату не пустил.

— В моей хате попов не будет, ишь, чего удумала Екатерина Петровна!

— Демьян, как же так? Ведь отпеть надобно...

— Я сказал нет, чем бог помог моей доченьке? И чем теперь поможет? Дочка наша — комсомолка!

— Так ведь крещёная она, — возразила мать.

— Что было, то было, забудь! Сама, как хочешь, а детей в свою церковь не води!

Из Студёного приехала сестра Екатерины, Прасковья с мужем, а с ними «вредная старуха». Маленькая, казалось совсем высохшая старушка с тёмным морщинистым лицом и тёмными, узловатыми руками, на ней была одета чёрная шаль, отчего она казалась ещё страшнее.

«Всё эта бабка ходит, всем указывает, — думала Лида. — Даже с отцом поругалась, он не разрешил свечи в хате зажечь. Ну и противная, опять что-то бормочет себе под нос».

Лида выскочила из комнаты, где стояла домовина, она нашла во дворе Надю и они пошли подальше от этого страшного места.

Наде старуха тоже не понравилась, она её сильно боялась.

Любу хоронили всем селом, из Глухова приехал духовой оркестр. Когда домовину опускали в землю, плач людей, разговоры и музыка слились в одну непонятную аморфную массу, все вокруг затопило нестерпимым горем, наступили жуткие минуты пустоты и беспомощности.

Бабушка из Студёного и на погосте не промолчала, её слова врезались в память Лильки на всю жизнь.

— Люди, что вы ревете? — вдруг спросила она, бросив горсть земли в могилу. — Да Любаша, ушла от нас, но она, быть может, самая счастливая! Любонька не узнает горя, которое предстоит всем узнать! По себе рыдайте, а Любу сам Господь в свои чертоги принял и сбережёт, нечего её оплакивать!

Бабушка всё говорила и говорила, не унималась. К ней подошёл муж тети Параши и отвёл её в сторону:

— Успокойся, мама, народ смотрит! — чтобы её успокоить, вдруг добавил, — это тебе не с пчёлами воевать.

— Что пчёлки? Они, твари божьи, везде летают, всё про всех знают, и мне рассказывают, — ответила она, и голос её стал глухим и тихим.

— Мама, ты сильно разволновалась, пойдём обратно в хату.

— Да, сынок, — бабушка вдруг согласилась. — В храм надо пойти. Люди, люди, мне не верят, но скоро сами всё узнают и месяц ещё не успеет закончиться, вспомните мои слова!

Вся округа была залита солнцем, на небе ни одной тучки! Только чернее тучи были лица людей. Народ стоял вокруг могилы и, как и Лида не понимали, как могло случиться, что молодая, цветущая, красивая девушка так рано закончила жизнь.

После смерти Любы, казалось, и счастье покинуло их хату.

Отец всё время ездил по району. Ваня работал на дальних полях и дома бывал крайне редко. Надя зарыла свою куклу где-то в огороде.

Всё переменялось, и уже даже мама перестала называть свою среднюю неугомонную дочь Лилькой, то Лидой, то Лидушкой, то Лидонькой, то просто доченькой, но не Лилькой.

Перед самым днём рождения Лиды, отец с утра уехал в Глухов, вернулся, как обычно, поздно ночью. Родители о чём-то долго разговаривали на кухне. Лида, снова лежала на печке и слушала их разговор.

Её день рождения уже наступил. Ей очень хотелось выглянуть из-за занавески и спросить, какой подарок отец ей привёз, но она боялась. Лида не могла разобраться, о чём говорят взрослые, но понимала, что разговор их серьёзный.

Завтра, точнее уже сегодня, Лиде исполнится девять лет, это произойдет 22 июня 1941 года.

Начнётся война, фашисты будут бомбить Украину, но об этом ещё она не знала, они мирно спали с сестрой на печи.

Какой подарок, в канун войны, привёз отец на день рождения, Лида не помнила.

Много лет спустя, она пыталась это вспомнить, но в память врезались лишь воспомина-ния о начале войны.

Отца на третий день забрали на фронт. Ваня тоже просился с ним, но был ещё слишком мал.

— Сейчас ты хозяин в доме, — сказал ему отец, — мы с фашистами сами управимся.

Очень скоро, по улицам села пошли незнакомые люди. Лиде казалось этот людской поток, никогда не закончится, он затянет и их семью и понесёт вместе со всеми дальше на восток. Люди всё шли и шли, даже наступившая ночь не могла остановить этот бурлящий поток человеческого горя.

— Нам идти некуда, — сказала мать детям. — Куды я с малыми?

— Я не маленький? — возразил Ваня.

— Да, Ванюша, ты уж слишком быстро повзрослел, — сказала мать. — Все вы, мои детоньки, стали взрослыми и детства не побачили, — она вздохнула, и добавила. — Как оставить хату, хозяйство? Я так думаю, детоньки, что не пустят наши мужики фашиста этого до нас, да и отец скоро вернётся.

Этому долго не суждено было случиться.

Уже осенью в село вошли чужие солдаты, которые сначала забрали всю птицу и поросят, а спустя месяц увели и корову.

— Вот и хозяйство наше закончилось, — причитала мать, — уходить надо было, что же я глупая баба наробила.

Вскоре после этого в их хате поселился важный офицер, семье осталась только кухня, мать с детьми теперь спали на печи.

Хата у них была знаменитая, ещё прадед Лиды строил её из морёного дуба вместе с Тарасом Шевченко, который приезжал к нему в гости, а встретились и познакомились они с ним, когда-то на каторге.

Русская печь, как добротная баба, была огромной, её тепла хватало всей хате. На печи легко могли спать пять человек, а в подпечек дров входило на целую неделю.

В этом подпечке жила «Катя-дурочка», которую мать приютила у себя по доброте душевной, а куда её босую и почти нагую денешь.

— Лидка, ты в хате?! — вдруг кто-то постучал в окно.

— Та в хате, сейчас выйду. — Лида стала одеваться.

— Ты куда собираешься? — спросила мать, которая с начала войны не разрешала сёстрам отлучаться далеко из хаты.

— Да, там это... Валька ко мне пришёл, одноклассник мой.

— Какой ещё Валька?

— Так деда Миколы внук, ну рыжий такой...

— Пойдём побачим, что за Валька такой. — Они с дочерью вышли из хаты, парубок стоял у крыльца, ждал Лиду, — тебе для чего Лида понадобилась?

— Тётъ Катя здравствуйте, я за Лидой прибежав.

— Зачем тебе моя доню нужна? — допытывалась мать.

— Разве не слыхали, нашу учительницу забрали немцы, сегодня её повесят на площади у Совета? — парнишка шмыгнул носом. — Ну, я побёг.

— Как же это? — охнула мать и тяжело опустилась на ступеньку крыльца. — Ох, детоньки мои, да разве это можно робить и для ваших ли глаз это? Не пущу! — прижала она Лиду к себе, а паренёк, не дождавшись, уже бежал по улице.

Вскоре после того, как Валька убежал, в их хату вломился полицей, не из их деревенских, он приказал всем через час быть на площади. Делать было нечего, мать собрала детей, и они пошли, по дороге к ним присоединился Ваня, который был у своих одноклассников.

На площади было установлено странное сооружение, люди останавливались в нерешительности, одноклассники Лиды, стояли отдельно, среди них был и Валька. Дети жались друг к другу, страх и непонимание переполняли детские сердца.

Вот вывели их учительницу с завязанными руками, она была избита, одежда разорвана, лицо и тело в кровоподтеках. Дети притихли, и стали ещё сильнее прижиматься друг к другу, словно стая голодных, напуганных воробьёв, которые вдруг разучились летать.

Учительницу завели на это странное, страшное сооружение. Она, окинув односельчан взглядом, увидела своих учеников.

— Дети, я вас учила добру, — вдруг сказала учительница, — любите и берегите нашу Родину!

Полицей, который стоял рядом, ударил учительницу по лицу и что-то зашипел, потом накинул на шею женщины верёвку...

Испуганные дети заплакали. Что было потом, Лида не помнила, через некоторое время к ней подошла мать и увела её домой.

В декабре 1941 года жители Эсмани, слышали совсем рядом с селом звуки боя, а потом в их село вошли партизаны. Где была Лида, девочка не запомнила, но когда она вернулась домой, увидела усатого дядьку, в расстегнутом тулупе, он сидел за столом. Лиде показалось, что закончилась война, и батя вернулся домой.

— Это кто? — спросила она тихонько у брата.

— Да это же сам Ковпак! Самый главный командир у партизан, — ответил ей брат. — Я с ними дальше пойду, не останусь больше дома!

— Это кто за печкой шумит? — вдруг спросил Ковпак. — А ну идите сюда!

Ваня с Лидой вошли в комнату. Лиде показалось, что главный командир партизан Ковпак, такой огромный, он словно занял всю их комнату, девочка спряталась за брата.

— Подойди поближе, я тебя рассмотрю, — сказал Ковпак.

— Зачем на меня смотреть? — испугалась Лида и даже хотела заплакать.

— Что вы там, в кухне с братом не поделили?

— Ванька с вами собрался, а мы как же? — сказала Лида, забыв про слёзы. — Нашу учительницу фашисты повесили, так мы целую неделю, на улицу боялись выйти, а Ваня у нас смелый он ничего не боится.

— Да, брат у тебя молодец.

— Вот и детки мои собрались воевать, — сказала мать, зайдя в комнату. Она, пока Лида разговаривала с Ковпаком, хлопотала на кухне.

— Да, наши дети с нами в партизанском отряде, воюют на равнее со взрослыми, а ты, Ваня, сейчас здесь в Эсмани нужнее, — он на секунду задумался. — Будь моя воля я бы всех детей, которые сейчас бьют фашистов, к наградам представил. И я обязательно это сделаю! Это будет особая награда, вот только закончим начатое дело, прогоним фашистов с нашей земли, и ни один юный герой не будет забыт! Пусть не велики они возрастом и ростом, но великое дело делают! А пока вот, — и Ковпак протянул Лиде плитку шоколада.

— Смотри не загордись героиня, — сказал брат.

— Да уж постараюсь, а ты Ваня дома останешься! Слышал, что дядя Ковпак сказал, что ты здесь нужнее!

Очень скоро партизанский отряд ушёл дальше и в их село снова вернулись фашисты и полиция. Даже в хате Лиды снова поселился прежний офицер. Вот только отношение к жителям сильно изменилось. С этого времени жизнь у селян закрутилась, словно в кровавом колесе.

Откуда-то в селе снова появилась «Катя-дурочка», она опять поселилась в Лидиной хате под печкой.

Лиде казалось, что тот уса́тый дядька в расстегнутом тулупе в их избе и плитка шоколада, которую она честно поделила между всеми, просто сон.

В конце января жену парторга колхоза, избитую до полусмерти, обезумевшую от пыток водили по улицам, час назад полица́й на её глазах посадил её маленького сына, которому не было и года, на кол плетня. Женщина упала, перед хатой Лиды. Второй сын долго лежал на застывающем теле матери, рядом стоял полицай, кутаясь в тулуп, он ждал, когда ребенок замёрзнет, Он не разрешал женщинам забрать ребёнка.

— Хотите вместе с ней лежать! — орал он. — Всех коммунистов и их «отродье» истребим! Всех кто партизанам помогал и помогает тоже!

— Сам ты «отродье», как земля такого изверга носит, — сказал кто-то из женщин.

— Да я сейчас вас всех к стенке! — заорал полицай, и испуганные женщины побрели по своим хатам.

Лида всё это видела из окна кухни, она запомнила это на всю жизнь.

Кровавая карусель всё крутилась и крутилась.

Наступившая весна не радовала жителей села, бабушки уже не сидели, как прежде бывало, на лавочках перед хатами, да и как может радовать солнце, если на сердце тучи и страх сковывает холодом всё тело.

— Лида, — позвала её мать.

— Да, мама...

— Надо тебе в лес сходить за хворостом.

— Так Ваня намерен принёс.

— Надо ещё принести.

«Странно», — подумала Лида, мать уже отпускала её из хаты, да и где удержишь такую егозу, но чтобы вот так в лес за хворостом, одну!

— Ты дядьку Копу помнишь, он с отцом в сельсовете робил?

— Ага...

— Что «ага», если в лесу его побачишь, так узнаешь чи нет?

— Да як же, обязательно узнаю, что нужно — то, мам?

— Вот пойдешь на поле, где лису поймала, там встретишь дядю Копу и передай эту записку. Всё поняла, доню?

— Ага...

— Опять «ага», — мать задумалась, — нет уж лучше я сама.

— Что ты, мама! Я дядю Копу помню, они с отцом у нас в хате часто бывали. И место, где лису поймала, хорошо помню, да и к Ване сколько раз в поле ходила.

— Тогда войны не было. Ну ладно, — согласилась мать, она протянула записку Лиде. — Только спрячь хорошо, да не потеряй.

— А хворост, нужен?

— Конечно, нужен, зачем же ты в лес пошла? Пану офицеру скажешь, что надо баню топить.

— Кому что сказать я поняла.

Потом поручения матери Лида стала выполнять часто.

В лесу всегда что-то надо было то зелень, то дикоросы, то орехи, которые раньше в лесу никто не собирал, а теперь всё шло в пищу.

Однажды, вернувшись из леса, Лида услышала разговор Вани с денщиком офицера, который жил в их хате.

— Зачем мне нужна эта война? — говорил немец Ване. — У меня в Германии своя ферма, дома остались жена и дети. Как же сейчас они там.

— Вы откуда русский знаете?

— У нас на ферме работали интернационалисты, они меня и научили. Я тебя тоже научу «Интернационал» на немецком петь.

Благодаря этому старому солдату Ваню не угнали в Германию. А ещё иногда он приносил семье Лиды еду. «Помои русским свиньям», — обычно говорил он полицаям, если кто из них его видел с ведром. На дне ведра в мешке лежал то хлеб, то крупа, а то и банка тушёнки.

Продуктами мать делилась с семьёй Вальки и деда Миколы.

Родители и старший брат Вальки были на фронте. Перед самой оккупацией у них оставилась дальняя родственница, она бежала от самой границы вместе с четырьмя детьми, да одному из детей в дороге стало плохо, вот и настигли их фашисты в Эсмани.

Совсем плохо и голодно было им, что могли из вещей, обменяли на продукты, даже лишней пары тёплых носок не осталось. Припасы деда Миколы, с такой оравой, быстро подьели.

Ещё зимой Лида стала носить Вальке еду, сначала тайно от матери и брата. Да где такое утаишь, если в хате каждая крошка на счету. Мать конечно это заметила, но не стала Лиду бранить. Она сама начала посылать семье деда продукты: то варёную картоплю, то кашу, а то и хлеба из того самого ведра. Дед Микола отказывался и даже бранил Лиду и Вальку, да как же тогда прокормить голодных детей.

Не все фашисты были такие как этот солдат, что жил с офицером в хате Лиды. Были среди фашистов настоящие «звери», эти легко могли избить и даже убить человека на улице и особенно лютовали, после нападения партизан. Не так посмотрел — расстрел, просто идешь по улице с подозрительным предметом — выстрел.

Маленькой Лиде казалось тогда, что хуже этих фашистов были только полицайи, они как черви вылезли наружу с начала войны. Из западных областей Украины вместе с фашистами в село пришли бандеровцы и бывшие бандиты, которым Советская власть была костью в горле. Эта «новая власть» с повязками на рукаве, рыскала по хатам и забирала всё, они издевались над жителями села и запросто могли сжечь хату со всеми домочадцами.

Лето 1942 года на Украине было жарким не от того, что палило солнце, а от того что земля горела под ногами мирных жителей, но она горела и под ногами фашистов.

Всё чаще жители в селе обсуждали новости, что где-то партизаны подорвали железнодорожные пути или устроили засаду на дороге, фашисты и полицаи боялись по одному ходить в лес.

В их село уже несколько раз приезжал важный офицер из Глухова в чёрной страшной форме и полицаи особенно старались выслужиться перед ним.

Останавливался он всегда в хате Лиды, и подолгу общался с жившим у них офицером.

Мать с детьми в это время выгоняли из хаты, и они жили в бане, в которую лишь иногда заходил старый немец.

Прошел год, как в село пришли фашисты. Долгий год оккупации, горя, лишений.

На улице было холодно, зима пришла злая, ветреная, словно хотела выдуть из жителей тепло, накопленное за лето, а вместе с ним остатки жизни. Лида, одетая в старую фуфайку, закутанная в ветхую шаль шла из леса. Она собрала немного хвороста.

— Стой, ты откуда? — остановил её полицай и схватил за плечо.

— Из леса дяденька, — испугалась девочка.

— Что ты там робила?

— За хворостом ходила. Дяденька, мне домой надо, мамка ждёт, — жалобно стала просить Лида.

— За яким таким хворостом? А брат твой где? — полицай не отпускал девочку — У вас в хате господин офицер живёт, а у вас дров нет?

— На растопку и для бани, — заплакала Лида, — Ваня с утра ушёл с дяденькой немцем.

— Да ты к партизанам ходила! — начал трясти Лиду полицай.

— Нет, дяденька, нет, мамка за хворостом отправила.

Полицай не унимался, он сильнее схватил Лиду за руку, и потащил её за собой. Вязанка хвороста упала и рассыпалась,

В комендатуре в это время снова был офицер из Глухова. Услышав шум на улице, он вышел на крыльцо, Лида подумала, что он прикажет отпустить её, и она побежит домой.

— Что происходит? — окликнул он полицая, — Кого ты привёл?

— Вот партизанку поймал, — ответил полицай. — Она в лес ходила.

— Партизана! — офицер засмеялся, и Лиде казалось, что он лопнет от смеха. — Да твоему партизану годов десять!

Офицер не лопнул, а, продолжая играть тростью, зло посмотрел на полицая и девочку, закутанную в какие-то лохмотья, резко развернулся и ушёл назад в комендатуру.

Полицай, как змея, зашипел на Лиду.

— Я всё равно получу за тебя вознаграждение и докажу офицеру, что ты с партизанами связана!

Лида не понимала, какое вознаграждение хотел получить полицай, да и что могла понимать испуганная девочка. Она решила, что нужно молчать, полицая надоест, и он её отпустит. Лида дрожала от холода и страха.

— Что холодно? Раздевайся! — заорал полицай.

— Что же он делает? — услышала Лида. Никого не было рядом, редкие прохожие плотнее кутаясь в свою немудреную одежду, быстро пробежали мимо страшного места, словно не замечали, что происходит во дворе комендатуры. Да и чем они могли помочь девочке, оказавшейся в руках отморозка.

Полицай сам начал стаскивать с испуганной девочки одежду. Лида ревела, а полицай уже буквально сдирал с неё платье.

На крыльце топтались другие полицаи, они наблюдали за происходящим и весело смеялись.

Раздев испуганную девочку, оставил на ней только тонкую ночную рубаху, он вытолкал испуганного ребенка на улицу и куда-то погнал её.

«Мама, мамочка», — прошептала Лида, и как сноп повалилась на обочину дороги. Полицай попытался поднять девочку, а потом начал пинать её.

Лида уже не чувствовала боли, она была далеко от разъяренного полицая, от комендатуры, от этой, когда-то родной улицы. Дивный цветущий яблонево́й сад окружал девочку, вокруг пели яркие птицы.

— Вставай, что лежишь?! — Полицай ещё сильнее, начал пинать замерзающую девочку. Мимо проехала чёрная машина, и он сразу потерял к девочке интерес, — Подохнешь сама! — он зло плюнул, закутавшись плотнее в тулуп, быстро пошёл в комендатуру.

«Офицер из Глухова уехал и мужики, — думал полицай, — уже достали бутыл с самогонем, выпьют и ему не оставят».

Лида очнулась в полумраке, она подумала: «Я, наверное, умерла, как Любаша! Но почему нет яркого света, про который все говорили?»

Лида ещё немного полежала и решила, что это просто страшный сон, девочка обрадовалась, что полицай ей приснился, сейчас она откроет глаза и побежит помогать маме.

Лида медленно открыла глаза, пошевелила рукой и даже ущипнула себя. «Больно, значит, я не сплю, но почему ноги совсем не чувствую?»

— Мама, мама, Лида очнулась!

— Ой! Слава тебе, Господи! Что же они, с тобой сробили, девонька моя, — стала причитать мать.

— Мама, где я? — спросила Лида.

— У ридной хате, мы с Ваней тебя с улицы принесли, он топчан сделал. На печку тебя не положить, упадешь ещё.

— Топчан сделал? Это сколько же я сплю?

— Лидонька моя, доню ридная. Уже третий день с того дни, как мы тебя нашли и принесли в хату.

— Значит полицай не сон, — Лида заплакала.

— Який же сон? Ридная моя, — мать с сестрой, тоже заплакали. — Мы тебя и живой не чаяли видеть.

— Мамочка, я им ничего про записки не сказала, — стала шептать Лида. — Можно я ещё немного полежу, и тогда встану? Вот тильки ноги меня не слухают совсем, наверное, отлежала.

— Отдохни доню, отдохни.

— А братик где? — спросила Лида.

— Ваня в Студёное пошёл к бабушке Пане. Да ты её помнишь, на похоронах у Любы была.

— Зачем, я же не умерла? У меня и не болит ничего, тильки ноги не чувствую...

— Як зачем? Она же знахарка, она всю округу лечит, все её знают. Может бабушка Паня, поможет, мне тебя ридная на ноги поставить. Вот тильки как она к нам доберётся, стара она совсем стала? Ничего Господь не оставит нас сирых.

После обеда из Студеного приехали Ваня и бабушка Паня.

Привёз их на лошади хуторской мужик, он даже в хату не зашёл, сразу поехал обратно, чтобы засветло, вернуться домой.

Бабушка долго шупала и ворочала Лиду, своими костлявыми, но сильными руками. Она что-то ворочала себе под нос.

— Вот что, Кать, у вас навоз есть?

— Навоз? — удивлённо переспросила её мать.

— Да, навоз, — бабушка Паня, поднялась с топчана, на котором лежала Лида. — Навоз нужен.

— Есть. Скотину всю забрали, а он кому теперь нужен. Нынче в огороде ничего не сажали, так что весь за сараем лежит.

— Скажи парубку своему, пусть завтра таскает его весь обратно в сарай, надо девку греть, а то боюсь, не поднять мне её будет.

Мать больше не расспрашивала бабушку, а утром с Ваней начали таскать навоз обратно в сарай, и даже Надя им помогала. Они уже почти весь навоз перетаскали и сложили большую кучу в сарае, из хаты вышла бабушка Паня и сказала:

— Хватит таскать, утопчите его плотнее и полейте тёплой водой. Будем в нём девку греть.

Затопили баню и нагрели воду, полили навоз, а вечером, когда всё сделали, Ваня вынес Лиду из хаты.

Женщины сделали в навозной куче большую дыру, раздели Лиду и посадили её в пригтовленную яму. Девочку вокруг плотно обложили навозом, как обычно сажают молодые деревья в лесу.

— Ничего Катя не бойся, девка у тебя молодая, сильная, сердце крепкое, — приговаривала бабушка Паня. — Ну, что ты Катя слёзы льёшь? Смотри Лилька твой молодец, ни единого слова не проронила, а ей сейчас чай вовсе не сладко.

Лида действительно всё время молчала. По праву сказать, она всё ещё боялась бабушки Пани, но очень быстро она привыкла и к ней, и к запаху навоза. И вот пошли своей чередой дни болезни и лечения. Некоторые из них тянулись словно, густая смола, а иные, наоборот, спешили как горный ручей.

Новый 1943 год Лида встретила сидя в навозной куче. Сначала девочка ничего не чувствовала, потом ей стало казаться, что ноги словно кто-то колет иголками, или на них напали злющие рыжие муравьи. Спустя несколько дней ноги стали гореть как в огне.

Бабушка Паня не отходила от Лиды ни на шаг, она кормила её, мыла в бане, натирала мазью, которая вкусно пахла травами и мёдом. Мама и Ваня были у неё в помощниках, как повара у шеф-повара. Принести, подать, убрать, помочь донести до бани и обратно.

После очередной бани и растираний маслами, бабушка Паня вывела Лиду за руку.

— На всё воля Божия и всё в руках Его. По милости Своей не оставит Он нас убогих и сирых в молитвах наших. Я тебе, Катя, говорила, поставим мы Лиду на ноги, доня твой молодец, как стойкий оловянный солдатик всё вынесла и мороз, и жару.

Мать, Ваня и Надя стояли и изумлённо смотрели на измотанную болезнью Лиду, она стояла, ухватившись за свою спасительницу, и улыбалась.

— А вы её хоронить думали, — сказала бабушка Паня. — Да мы у Лиды ещё на свадьбе спляшем!

— Яка свадьба? Война, будь она не ладная...

— Война, Катя, закончится, мы обязательно прогоним фашиста проклятого с нашей земли, а жизнь продолжается. Нам всем надо жить, назло врагам, надо жить.

Весной Лида, на сеновале увидела странный деревянный ящик, он был сделан из не строганных досок.

— Это, что за ящик? Откуда он взялся? — спросила она Надю, которая за эти годы стала не по-детски рассудительной.

— Это Ваня сделал.

— Для чего, ему такой странный ящик?

— Так это для тебя... Мама!.. — Надя позвала мать на помощь.

— Для меня!? — Лида снова и снова допытывала сестру. Надя не дождалась мать и нехотя ответила сестре.

— Это твой гроб, Лида, — девочка всхлипнула, — когда зимой на улице тебя нашли, думали, что ты помрёшь, как Люба. Вот Ваня вместе с топчаном и смастерил его, а сжечь забыл.

Этот ящик напомнил Лиде, топчан на котором она очнулась зимой за печкой. Лида снова вспомнила полицая, который гнал её раздетую по улице.

— Вы что там робите? — спросила мать и, увидев гроб, всё поняла. — Лида, ты уже совсем взрослая у меня, сама доню всё понимаешь. Знаешь, люди говорят, что кто при жизни свою домовину увидит, живёт потом долго и счастливо.

В этот же день Ваня разбил гроб, что мастерил для сестры и сжёг его в бане.

1943 год принёс освобождение Украине. Перед самой Эсманью шли ожесточённые бои, наши войска пытались прорваться на мост, а потом когда подошли наши танки, всё было кончено.

Наши танки вошли в родное село Лиды, а встретил их этот гад полицай. Фашисты, сбежав, оставили их блюсти порядок в селе. Бабы услышав, что бой стих тоже вышли из своих убежищ. Последнее время все жители села пряталась, кто в погребе, кто в подполье, а кто и в овощных ямах на огороде, в которых во время оккупации прятали наших раненых солдат.

Бабы, измученные страхом, кто с тяткой, а кто с цепом, схватили полицая, который пытался спрятаться за сараями, и повели его по селу. Они припомнили ему всё и детей посаженных им на кол, и жену парторга, и Лиду...

Наши солдаты попытались остановить самосуд, но решили не связываться с разъярёнными бабами, а те забили фашистского прихвостня до смерти и бросили тело в овраг за селом.

Мать Лиды с другими женщинами, после того как фронт ушёл дальше на запад, помогали хоронить солдат, погибших на мосту. Мост перед селом был завален нашими бойцами и фашистами.

— Вот так всегда, торопятся командиры награды получать, ребят наших родных не жалеют, вон сколько на одном мосту положили. А сколько их у них на дороге было этих мостов, кто считал? — ворчала одна из баб.

— Ты что, Галя, такое гутаришь? — спросила мать Лиды.

— А то и гутарю, что кому ордена да медали, а кому и крест на чужой стороне! Ох, бабоньки, где наши с Вами мужики, да дети, может они лежат уже в чужой земле родные, ведь сколько времени весточки нет?

— Не говори так Галя, живые они! — отрезала мать Лиды.

— Тебе Катя хорошо говорить, хоть сына сберегла рядом с собой! А мои три сыночка с мужем все на войне, может, и лежат родные, уже на каком мосту!

— Что ты, такое говоришь? У нас дочку, чуть до смерти не замучили и Ваня самим Ковпаком в селе оставлен для связи с партизанами. А ведь он так просился на фронт.

— Твой Ваня, на побегушках у старого фашиста был, он его и от Германии спас.

— Да, ты сама Галя не знаешь, что несёшь. Не могу я тебе всего рассказать и сына моего попусту обидела.

— Прости, ты меня Катя, ох прости. Как увидела наших солдатиков, что здесь на мосту лежат, так и своих сыночков вспомнила...

После этого разговора мать отправила Лиду в Студёное за листами из старых школьных тетрадей, чтобы написать на фронт письма мужу и Ване, который ушёл вместе с нашими солдатами дальше, к тому времени ему уже исполнилось восемнадцать.

Лида обратно вернулась, только поздно вечером, Надя уже спала, а мать ждала возвращения дочери.

— Мама, есть что поесть? — спросила она. — Я весь день ничего не ела, там в Студёном такое было!

— Так я твою картоплю и лепёшку беженке с детьми отдала, — сказала мать. — А тебя разве тётка в Студёном не накормила?

— Ни. — Лида уже хотела заплакать, ну как же так её обед мать отдала чужим людям, но подумав о том, что там были голодные дети, смахнула с лица уже набежавшую слезу и начала рассказывать, что произошло в Студёном.

— Через их хутор фашисты гнали женщин с малыми детьми, — начала она свой рассказ.

— Откуда они?

— Да я не знаю, только тётка Параша говорила, будь-то из лагеря они, — ответила Лида и продолжила свой рассказ. — Так вот в хуторе фашисты отобрали у женщин детей и сбросили их в колодец.

— Як же так, чем детки виноваты?

— Наши когда пришли в Студёное сначала и понять не могли, почему кони шарахаются от колодца.

— Разве никто из жителей не бачив, что ироды проклятые сробили?

— Да ни, они, как и мы прятались, случайно кто-то бачив, что женщин гнали и всё.

— Ой, Господи милостив! Як же ты, попустив такое? Что же это робится на белом свете, — мать ещё долго причитала и всхлипывала, ворочаясь на кровати, а Лида уже давно спала.

В 1945 году при форсировании Одера Ивана тяжело ранило в голову, он долго лежал в госпиталях и Лида с матерью даже ездили к нему в госпиталь. Там он познакомил их с военврачом Катей, которая вытащила его с того света.

В этом же году умерла бабушка Паня, не дожив до Дня Победы меньше месяца. Бабушку привезли отпевать в Ивановскую церковь в Эсмань. Лида стояла с матерью в душном от чада свечей и ладана Храме и под успокаивающее и не понятное ей пение батюшки вспоминала, как поначалу боялась бабушки Пани, как она ей не понравилась, но потом болезнь Лиды сблизила их, они стали родными и близкими.

После многочисленных госпиталей вернулся домой брат, он приехал с женой Катей. После ранения у него стояла пластина в голове.

В школе после войны не хватало учителей, и Иван пошёл работать учителем математики, как ему и предсказывал отец.

Лида больше в школу не вернулась, она работала вместе с матерью в колхозе и на уговоры брата, продолжить учебу не соглашалась.

Отец домой вернулся уже в пятидесятых годах, когда Лида была совсем взрослая, а у Вани подрастал свой сын. Однажды ночью, проснувшись, Лида услышала разговор родителей на кухне.

— Так вот, — говорила мать отцу, — скотину и птицу всю фриц побрав, а что не нашёл, так полицаи забрали, ох и звери же они были. У нас в хате жил, какой-то важный офицер, благодаря этому офицеру и его денщику Ваню не угнали в Германию.

— Ты этого ещё кому-нибудь не скажи, я в сельсовете сейчас работаю, мало ли люди узнают, — перебил её отец.

— А как было выживать, Демьян, при фашистах? Вон и дочь нашу чуть не «угробил» полицаи, он ведь её на морозе по улице в одном исподнем таскал.

— За что?

— Она в лес партизанам, носила записки от Кати. Ване тогда совсем, опасно стало, вот я девку-то и отправила.

— От какой такой Кати?

— Так ты слухай, Демьян, мы во время войны, тоже воевали, как могли партизанам и нашим раненым солдатам помогали. У нас под печкой в хате жила Катя, её все знали как «Катю-дурочку», постоянно она ходила по селу, как Золушка вся чумазая в саже. Так вот эта Катя была с нашими войсками связана, связная она была или разведчица.

— А ты откуда это знаешь?

— Однажды она меня попросила записку в лес отнести для Копы, да он с тобой работал в сельсовете, а во время войны партизанил здесь. Я сама куда пойду, за взрослыми-то полицаи следили, да и немцев не обманешь, вот и отправляла сначала Ваню, а потом Лиду, когда что-то очень важное было для партизан. Вот и в этот день в лес с запиской пошла Лида, а полицаи поймав Лиду когда она из леса возвращалась. Она мала деточка ничего ему не сказала, як она выжила до сих пор ума не приложу. Так что у нас Демьян, здесь была своя война, а детей мы с тобой хороших вырастили — подвела итог мать.

— А Катя куда делась?

— Так, як фашист с села побёг, она вслед за ними и ушла.

— Лучше молчать про всё это надо, а то знаешь, как оно бывает.

— Как бывает?

— Так ты что глупая, вы жили на оккупированной территории, и никто сейчас не будет разбираться, кто прав был тогда, а кто виноват, все виноваты и всё. Ладно, меня хоть в сельсовет обратно взяли на работу и даже председателем обещают назначить.

— Да як, же так Демьян, а Катя? Сам Ковпак у нас в хате говорил, что всех детей кто партизанам помогал, наградят особыми наградами. Кого тогда награждать, коль не Лиду или Ваню, за что они всё это терпели?

— Ну и где сейчас твоя Катя? Наверное, Ковпак уже и не помнит, не только про вас, но и про то, что был в Эсмани. Сколько всего было за время войны, и даже дядька Копя погиб, кто подтвердит твои слова? Так что лучше молчать, а жизнь сама разберётся кому награды, а кому ещё чего.

Жизнь в селе, после войны, потихоньку налаживалась, но вот только не торопилась она с наградами, поэтому в селе про оккупацию старались не только не говорить, но поскорее забыть это время, как страшный сон.

На семью Лиды, после ночного разговора матери и отца, кто-то посмотрел косым взглядом или позавидовал чему, поэтому счастье не хотело возвращаться в их хату.

Однажды придя с работы, вечером Лида снова увидела на кухне мать в слезах. Она слышала в селе разговоры о том, что отец после назначения на должность председателя сельсовета, загулял с Галькой Купатой, она работала в сельсовете секретарём.

Лида выскочила из хаты, так и не раздевшись, и побежала в сельсовет. «Ну, я вам задам, гады!» — думала она.

Подбежав к зданию сельсовета, Лида увидела в одном из окон свет, она подняла камень с дороги и бросила в окно, на порог выбежал отец в расстегнутой рубашке, за ним стояла Галя.

— Что же ты нас, батька, позоришь! — кричала Лида. — Да лучше бы тебя на войне убили! И ты, Галька, не зыркай на меня, за отца я тебе эти глаза выпарапаю!

— Да я тебя на зону! — заорал отец на Лиду. — На власть покушаться! Не посмотрю, что ты моя дочь, Галина Власьевна, вызывайте милицию!

— Да звоните! Звоните! — кричала Лида. — Я ведь тоже молчать не стану, расскажу как себя Советская власть, на работе ведёт! Ты выбежал даже ширинку забыл застегнуть, не только рубаху!

— Стерва, ты Лидка! Ох, и стерва выросла!

— За что же это ты меня так, Демьян Васильевич, величаешь?! Может Галька — подстилка твоя — стерва, ты спроси у неё, зачем к ней полицаи частенько в гости захаживал? Может это она сдала ему жителей села и жену парторга, ведь полицаи не местный был, из бывших бандеровцев!

— Замолчи! Иди с глаз долой и чтобы я больше тебя в своей хате не бачив!

— И не побачишь, уезжаю я с ребятами на шахту работать!

Лида действительно ездила в райком комсомола, где ей вместе с Валькой и другими ребятами дали путёвки на работу на шахты в Ворошиловоградской области. Отцу дела не было, что делает и чем занимается Лида, поэтому эта новость буквально «ошарашила» его.

Отец в это день домой так и не вернулся, а утром Лида собрала нехитрые пожитки в деревянный чемодан.

— Это как же, доню?

— Мама, я уже давно так решила, — ответила Лида. — А вчера отец, из-за своей шлюхи, пригрозил в тюрьму меня отправить. Да и из хаты велел выметаться!

— Да як же?

— Явится домой, сама у него спроси. Я так жить не буду!

Мать вздохнула, закрыла лицо платком, ушла в другую комнату, там спала Надя.

Лида уже выходила из хаты, мать остановила её, она вынесла небольшой свёрток и протянула его дочери.

— Это что?

— Икона, я её завернула в шаль бабушки Пани, тебе на память.

— Зачем она?

— Как же, доню, без веры на свете жить, возьми. — Мать вытерла слёзы. — Вот ещё моё благословение, здесь молитва Пресвятой Богородицы, пусть хранит тебя Дева Милостивая и моё благословение.

— Да что же ты, мама, будь-то со мной, навсегда прощаешься? — вскрикнула Лида. — Я обязательно вернусь домой!

— Вернёшься... — мать вздохнула. — Вернёшься, но не бачить мне тебя, доню, на этом свете. Прости ты меня за всё и что с записками тебя в лес отправляла, и что сейчас защитить от отца не могу.

— Мама, что ты, мамочка? За что мне тебя прощать, родная, а хочешь, я дома останусь?

— Нет, раз решила, дочка, поезжай, это я всю жизнь в этой хате прожила, да так видно хозяйкой так и не стала.

— Что тут происходит? — из комнаты вышла заспанная Надя.

— Лида поехала на шахты робить.

— Лидка, ты могла, уйди и не проститься со мной?

— Что прощаться? Ты сама приезжай к нам, когда школу закончишь.

— Да ни, я потом дальше учиться буду.

Лида положила свёрток с иконой в чемодан, простилась с сестрой, обняла мать и вышла из хаты. По дороге она зашла к брату в школу.

— Прощай, Ваня, — сказала она. — Может, и не свидимся больше.

— Да, ты что, Лидка, из-за отца решила из дому уехать? — брат стал отговаривать сестру. — Переезжай к нам с Катей, места всем хватит. С сыном Кате поможешь, а то она всё в госпитале, а я в школе. Хорошо хоть мать помогает и Надя.

— Вот они тебе и помогут. Нет, братик любимый, я всё решила, еду.

— Ну и характер у тебя Лида, надо уметь прощать.

— Кого мне прощать, мама и вы с сестрой мне ничего плохого не сделали, а отец пусть сам себя сначала простит.

— Трудно тебе сестрёнка будет!

— Ничего, я не одна еду, с Валькой и другими ребятами.

— Я не об этом.

— Да, поняла я, Ванька, что ты мне занозы в душу суёшь? — Лида взяла в руки чемодан и уже собралась уходить, брат схватил её и крепко обнял.

Понесло Лиду из родного дома, как осенний листок, который оторвал от дерева злой, холодный ветер и закружил его и полетел он по белу свету не находя себе пристанища.

Валька вначале, пытался как-то поладить с Лидой, ведь приехали на работу все вместе, и много что их объединяло в жизни: и школа, и война, и дни, проведённые в оккупации. Но скоро он понял, что жизнь их разошлась на разные пути-дороги. Валька остался для Лиды хорошим другом, который всегда спешил на помощь, вот только Лида этого не замечала, она жила по-своему, не принимала ничьей помощи, ей хотелось быстрее забыть всё, что оставила позади себя.

На работе Лиду сразу заметили, да и как не заметить, бойкую девчонку, которая никому не давала спуска, не шла ни с кем на компромисс и с себя спрашивала в полной мере. Поэтому скоро с отгрузки угля её перевели помощником забойщика в шахту.

Дядя Вася уже давно работал в шахте, казалось, что угольная пыль навсегда въелась в его смуглое лицо. Характер у него и до войны был не сахар, а вернувшись с фронта и узнав, что всю семью сожгли фашисты, он стал угрюм и молчалив. Никто из молодых ребят, не хотел идти к нему в помощники, а кто и работал с ним раньше, так давно уже перешли к другим.

Лида с самого начала просилась работать в забое, и когда мастер предложил ей работать с дядей Васей, в надежде, что девчонка откажется, и отстанет от него, напротив, не раздумывая ни минуты, согласилась.

— Ну и что же и по мне война прошла, характер и у меня не сахар, — ответила девушка. — Да, не переживайте вы за меня, найду я общий язык с этим дядей Васей.

— Смотри Лида, вся надежда на тебя, а то он уже месяц без помощника спускается в шахту, а если что случится или проверка, сама понимаешь.

Утром Лида довольная, вместе со всеми, спустилась в шахту, наконец, долгожданный день настал! Дядя Вася, увидев своего нового помощника, хмыкнул в усы и сказал:

— Наверное, уж точно всех мужиков на войне поубивали.

— Не всех! Да только они с тобой працювати не хочуть, — ответила Лида, стараясь не показать испуга.

— Хохлушка что ли?

— С Украины мы, с ребятами по путевке комсомола, да вы не смейтесь, я и сама как «заправский мужик».

— Ну, ну... Посмотрим.

Спустя совсем немного времени они хорошо сработались вместе, дядя Вася с Лидой за смену всегда выдавали две нормы, а то и три, но надо было больше! Дядя Вася спорил и доказывал начальству, что так работать нельзя, но его никто не слушал...

Лида за это время уже не только сработалась с дядей Васей, но успела, как ей казалось, с ним подружиться.

Но вот однажды в шахте случился обвал...

— Лидка, берегись!... — крикнул дядя Вася и толкнул девушку дальше в шурф.

Лида упала, ударилась головой, когда очнулась, вокруг была кромешная тьма.

«Всё, конец!» — подумала Лида. Она пошевелила руками и ногами, все было в порядке, тогда ошупала тело, на голове похоже была шишка.

«Каска, где же? Главное цела, ну тогда ещё повоюем!»

— Дядя Вася! — позвала Лида, своего спасителя.

— Жива доченька, слава Богу!

Глаза Лиды начали привыкать к темноте, она стала осматриваться, неподалёку от себя увидела расплывающиеся очертания человека.

— Дядь Вася, это ты? — спросила она, хотя понимала, что в этом шурфе никого кроме них и нет.

— Я, кто же ещё?... — прозвучал тихий голос из темноты.

— Я сейчас, скоренько, — ответила Лида и поползла к силуэту. — Всё нормально? — спросила она, добравшись до своей цели.

— Похоже, доченька, ноги мне придавило.

Лида стала откидывать уголь в сторону, пытаясь освободить ноги из-под завала, но у неё плохо получалось, в шахте было душно и очень хотелось пить.

— Воды бы глоточек, — сказала она.

— Да, воды бы не помешало, — согласился дядя Вася. — Лида, ты внимательно послушай или мне кажется старику, или где-то совсем близко капает вода.

— Откуда ей здесь быть?

— Тихо, сама послушай.

И они стали внимательно вслушиваться и вглядываться в темноту, надеясь на своё спасение. Действительно где-то недалеко оба услышали, что капает вода.

Лида взяла у дяди Васи каску и поползла на звук воды. В конце шурфа она нашла, струйку воды, которая стекала по стене.

Лида напилась и, набрав в каску воды, поползла обратно к дяде Васе.

— Живём, дядя Вася, я воду нашла.

— Хорошо. Очевидно при обвале, случился разлом или образовалась трещина в пласте, поэтому мы с тобой и живы. Сейчас остаётся только ждать помощи.

Напившись воды и отдохнув, Лида, снова стала освобождать дядю Васю из-под завала. Наконец ей это удалось. Чем ещё можно помочь она не знала, если был перелом, то его лучше не трогать, а крови не было видно. Лида, сняла с себя куртку и осторожно подложила её под ноги дяди Васи.

Казалось, время ползет очень медленно или вовсе остановилось. Лида уже не раз ползала за водой. Они с дядей Васей уже рассказали друг другу про свои жизни, но помощь так и не приходила.

— А ты девонька с отцом помирись. Он конечно не прав, но отца судить грех. Я когда узнал, что всех моих девочек, трёх дочек, и жену сожгли немцы, что я всех потерял на этой войне, а сам живой вернулся домой, такая тоска на меня навалилась, что жить не хотелось... Хорошо, встретил добрых людей и они меня в Храм привели. Вот там, наедине с Господом, и отошёл немного от своего горя.

— Мне мама икону с собой дала и на листке, что-то про сон Пресвятой Богородицы написано.

— Так ты и молитв, не знаешь?

— Нет, немного смутилась Лида. До войны отец мать крепко ругал за то, что она в церковь ходит. Так она нас всех, тайком, крестила и только иногда на праздники с собой в церковь брала. Бабушка Паня, когда меня выхаживала, всё под нос что-то бубнила, наверное, молитвы читала, Господа поминала и просила его.

— Вот она тебя у Господа и вымолила! Что же ты её не слушала, да не запоминала?

— Дядя Вася, до того ли мне было в навозной куче, когда не знаешь жива ли завтра будешь...

— Ох, и дурёха ты, Лидуха, коли бабушкины молитвы не запомнила! Знай, что Господь всех нас к себе приведёт, только разными путями и дорогами. Вот нас с тобой свёл, так я тебя научу молитвам, которые сам знаю.

— Да не надо мне, что хорошего сделал мне Господь ваш?

— Он сына своего за очищение наших грехов нам отдал, да и страна наша страдает оттого, что от Господа отвернулась и на неверный путь свернула. Ты иногда про себя твори молитву, вот Бог тебе и поможет.

— Ладно, учите вашим молитвам, — согласилась Лида. — Время хоть быстрее пойдёт, а там и нас найдут.

И дядя Вася рассказал Лиде про жизнь Иисуса Христа. Научил он и некоторым молитвам: «Символ Веры», «Отче Наш» и другим.

— Сколько дней прошло? — вдруг спросила Лида.

— Да думаю, что дня три, а, то и все четыре.

— Что же нас не найдут никак?

— Найдут, не переживай, найдут, — уверенно сказал дядя Вася.

Когда их нашли, то оказалось что под завалом они пробыли пять дней и спасатели не надеялись обнаружить их живыми.

— Вот видишь, доченька, Бог нам и помог, — сказал тихонько дядя Вася.

Лиде поставили какие-то уколы, накормили и отправили домой, а дядю Васю увезли в больницу.

Дорога до дома, где Лида снимала угол, шла около дома культуры. Проходя мимо, Лида увидела траурные чёрные ленты и рядом с входом лежали венки. Лида подошла к дому культуры, она хотела узнать, кого ещё завалило в шахте?

— Кто погиб в шахте? — спросила она у стоящего рядом с клубом Вальки. — Ты что смотришь на меня как шальной?

— Ты! — Валька на миг оцепенел и не мог сказать ни слова, а потом заорал. — Ребята, Лидка жива! Лидка жива, слышите!

— Вот шальной! — сказала Лида.

Из клуба выбежали ещё какие-то люди, они обступили Лиду и стали трогать её, и даже кто-то ущипнул.

— Да что вы, ошалели все? — Лида старалась вырваться. — Что случилось? Пустите меня!

— Точно Лидка, жива и здорова!

— Да как ты, а дядя Вася живой?

— Я нормально, меня домой почти сразу отпустили, а дядю Васю в больницу увезли, ноги ему придавило в шахте.

— Да, как же вы, без воды столько дней?

Лида хотела им всем сказать, что Господь её спас, но вспомнив слова дяди Васи о том, что в России ещё не готовы принять и вернуть утраченную веру, и верующим людям, нелегко приходится, ответила.

— Вода у нас была, там трещина в пласте образовалась, по ней она и бежала.

— Значит, вы нас с дядей Васей здесь хороните? Гробы я видела, они там, в конторе стоят, получается наши? Я думала, что ещё кого с нами завалило.

— Долго жить будешь, Лидка! Кто при жизни свой гроб видел, живёт долго!

— Видела уже!

— Как же так?

— Пусть Валька вам расскажет, а я домой пошла, меня на неделю домой отпустили, да и дядя Вася, когда поправиться не известно.

— Нет, Лида, я с тобой пойду, — сказал Валька. — Провожу тебя.

— Ну, пошли, а не боишься, что женихом кликать будут?

— Ну и пусть кличут.

Скоро после этого случая, Валька нашёл свою Валентину, и Лида поздравила его от всей души.

— Вот как бывает Валька и Валя, — смеялась Лида. — Меня до дому провожал, а полюбил другую.

— Её встретил, как кипятком ошпарило, сразу решил моя судьба. Мы с Валею решили вернуться обратно домой в родное село, ведь моя Валя из Глухова.

— Ну, вот стоило тебе сюда приехать, чтобы свою Валею встретить. Соберётесь домой, передавай приветы брату и сестре, а маме низкий поклон.

— Может и ты с нами, Лида домой?

— Нет, я на шахте останусь и дяде Васе помощник нужен.

— А отцу поклон? Или ты его всё ещё не простила?

— Да не за что мне его прощать и кланяться ему не за что.

Комиссия, которая разбиралась в причинах обвала, Лиду до работы в шахте больше не допустила.

Она ещё работала какое-то время техничкой в конторе, но дав, мокрой тряпкой, по «роже» начальнику, чтобы не распускал свои паршивые ручонки, собрав свои нехитрые пожитки уехала.

Ещё одна причина тогда была для её отъезда. Лида, когда приехала на шахту, не поселилась с ребятами в общежитии, а решила снять угол в частном доме. Сейчас она жалела о своём решении, но характер не позволял ей просить общежитие и переехать к ребятам. Жить на квартире было очень тяжело, девушка терпела хозяйку дома, как могла.

Елена Аркадьевна Багалюк — женщина с крутым характером, она сразу обозначила место девчонки в своём доме. Готовить ужин, Лида могла только на крохотной плитке в своей комнате или, в редкие дни, на летней кухне, когда самой хозяйки не было дома. Только в воскресенье Лида была свободна от её надзора, все выходные Елена Аркадьевна торговала на рынке.

В рабочие дни Лида дома быстро завтракала и бежала на работу, обедала в рабочей столовой. Вечером заходила на рынок, покупала что-то на ужин, либо выпечку, либо овощи для салата.

Вот и сегодня, возвращаясь с работы, она, как обычно, зашла на рынок и купила себе у знакомой торговли на ужин беляши с мясом.

— Беляши вкусные, сочные. Тёлочка была молоденькая, да живот распорол, — тараторила торговка. — Бери, девонька беляши не прогадаешь, у меня завсегда выпечка свежая, всё вкусное.

Лида уже взяла у неё три беляша и хотела уходить, но торговка нахвалила ей и котлетки, а поскольку завтра был выходной, Лида взяла у неё пару котлет.

«Завтра сварю себе картопли, у меня ещё и сало осталось. С малосольными огурчиками, с котлетками, да с картоплей. Аж, слюньки потекли» — думала Лида. Она достала горячий беляш, и начала его есть, как вдруг на зубах что-то хрустнуло.

«Это ж надо, одни хрящи да кости в беляше, я ещё и котлеты у неё купила», — думала Лида. Она выплюнула на ладонь, хрящ и обомлела, на её ладони лежал фаланг детского мизинца с крохотным ноготком. Она даже и не помнит уже, как не закричала на всю улицу, быстро, завернув находку в носовой платок, побежала в милицию.

— Тебе что, гражданка? — спросил её дежурный.

— Это, что же у нас в городе твориться?!

— Да ты говори толком, не морочь мне голову. Что произошло?

— Да как, что произошло? На рынке в беляши, да и котлеты детей проворачивают, вместо говядины! Ведь я всякое за войну ела, даже собаку мы свою съели, но вот чтобы так детей в беляши!

— Тише ты, не шуми! С чего ты это взяла?

— Да, вы сами побачте! Не шуми! Як не шуметь? — Лида стала снова путать русские слова с украинской мовой.

Она протянула дежурному платок с находкой и бумажный свёрток с котлетами и беляшами. Дежурный отодвинул свёрток, сначала развернул платок и посмотрел находку Лиды.

— Погодь, — сказал он Лиде. — Начальник ещё не уходил домой, я сейчас приду.

Лида сначала села на скамейку в дежурке, потом вскочила как ошпаренная.

«Ну что он так долго? Не могла же я ошибиться? А может просто уйти» — мелькнула мысль. «Дежурный меня даже не спросил, как зовут. Уйду и всё. Нет, надо ждать».

Наконец спустились дежурный и начальник милиции, Лида его видела на митингах на площади.

— Это вы нашли детский фаланг в котлете?

— Да не в котлете, а в беляше, — ответила Лида. — Котлеты на выходные купила, я ещё и до дома дойти не успела. Вот по дороге решила беляш съесть.

— Пойдёмте в мой кабинет. Всё расскажите подробно, когда и у кого купили.

— Лучше я домой пойду, я всё дежурному рассказала, — попыталась отговориться Лида.

— Пойдём! — приказал начальник милиции.

«Делать нечего, раз такую кашу заварила, иди теперь расхлёбывай», — думала Лида, она вошла с начальником в его кабинет и снова всё рассказала, и даже вспомнила, как зовут торговку, у которой беляши купила, и что та говорила.

— Вот что, Лидия Демьяновна! О том, что ты здесь рассказала, о своей находке и вообще что у меня была молчок, никому не говори ни подружкам, ни даже родной маме.

— Да нет у меня подружек, а мама далеко на Украине.

— Вот и хорошо, нет, это конечно плохо, что у тебя нет подружек и друзей.

— Я о друге ничего не говорила. Мы с Валькой из одного села приехали, так с ним дружбу не бросаю. Да он уже обратно уехал вместе с женой Валею, а я осталась, хоть в шахту меня после обвала и не пустили.

— Так это тебя с дядей Васей в шахте завалило?

— Меня.

— Счастливая значит ты девушка, коль после стольких дней живой осталась, — начальник закурил и продолжил. — У нас в городе давно люди пропадают, а твой беляш, вернее находка, будет ниточкой, за которую можно потянуть.

— За что потянуть?

— Да это я так фигурально. Не забывай, о нашем разговоре и молчок.

— Поняла я.

На улице уже стемнело, по пустынному городу Лида возвращалась домой, навстречу попадали лишь редкие прохожие.

«Вот как всё обернулось, может в городе орудует целая банда и благодаря мне её найдут» — думала она.

— Опять где-то шаталась? — встретила на пороге хозяйка. — Завтра на рынок рано, а ты ходишь допоздна! Вот откажу тебе в жильё, и живи, где хочешь!

— На работе задержалась, — ответила Лида.

— Что-то в шахте не задерживалась, а в конторе задерживаться стала. Шашни с кем-то завела из женатиков!

— Не ваше дело, Елена Аркадьевна! — Лиде не хотелось ссориться и спорить с хозяйкой.

— Не моё? Ты у меня в доме, девка, живёшь, а перечишь!

— Девки при барине были, — огрызнулась Лида, это получилось у неё как-то очень комично. — Я вам за жильё деньги плачу!

— Вот ты себе барина в конторе и завела, — хозяйка засмеялась, — Ладно, поздно уже, иди спать и не шуми мне там.

Лида слышала, как за стенкой хозяйка долго ворочалась, не могла уснуть, она ворчала: «Зачем я девку с таким норовом на постой пустила, не надо было пускать, да всё деньги проклятые. Помру, кому они достанутся? Никого у меня нет. Да ещё связалась с торговлей, будь она не ладна».

Наконец хозяйка уgomонилась, наступила тишина.

«Да, такой тишины в общежитии нет», — подумала Лида, а сон уже тяжелил её веки, день сегодня был очень длинный.

Не прошло и месяца с того дня, как Лида принесла свою находку в милицию, как весь город забурился и зашумел. Все только и говорили о банде, которая пряталась в старой заброшенной шахте и о том, что там даже шёл бой, как во время войны. После когда всё стихло, из шахты вывозили на машинах спрятанное добро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.